

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. НОВИК

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Конспект лекций

Санкт-Петербург
2005

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. НОВИК

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Конспект лекций

Санкт-Петербург
2005

УДК 34

ББК 67.52+67.411

Новик В. В.

Доказательственная деятельность и формирование доказательств: конспект лекций / В. В. Новик. СПб., 2005. 84 с.

Рецензенты

В. И. ТЕЛЯТНИКОВ, зам. председателя Ленинградского областного суда, федеральный судья высшего квалификационного класса, канд. юрид. наук.

Е. В. СИДОРЕНКО, начальник Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Прокуратуры Санкт-Петербурга, канд. юрид. наук.

В. С. ШАДРИН, профессор СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, д-р юрид. наук, профессор.

В конспекте лекций основной акцент сделан на рассмотрении элементов проверки и оценки доказательств, образующих структуру процесса доказывания, анализируются факторы, формирующие неверные стандарты доказательственной деятельности, предлагаются меры, оптимизирующие технологию оценки и использования собранных доказательств.

Конспект лекций предназначен для использования в учебном процессе повышения квалификации прокурорско-следственных работников.

© Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

ВВЕДЕНИЕ

Существенные изменения характера современной преступности, реформирование судопроизводства и совершенствование процессуального законодательства вновь ставят задачу обращения к наиболее сложной части уголовного процесса — теории доказательств. Отсутствие достаточного числа исследований в этом направлении порождает проблему применения положений теории доказательств в целом. Уход от разработки вопросов, учитывающих потребности следствия, прокурорского надзора за следствием и дознанием, поддержания обвинения, — отрицательно сказывается на их результативности.

Исследование доказательственной деятельности выявило наличие такого аспекта, как «технология доказывания». Содержание подобной технологии составляет комплекс правил и алгоритмов, обеспечивающих наиболее рациональное осуществление доказывания, детализирующих и конкретизирующих основные положения, сформулированные в главе 10 («Доказательства в уголовном процессе») и главе 11 («Доказывание») УПК РФ.

В криминалистике наиболее разработана технология сбора доказательств и явно обделенными оказались иные элементы структуры процесса доказывания. По этой причине мы посчитали необходимым подробно рассмотреть процесс оценки доказательств. Без правильной оценки собранных доказательств невозможно принять процессуальные решения, с которыми закон связывает выводы о доказанности (недоказанности) отдельных обстоятельств дела и происшедшего события в целом.

Л е к ц и я 1

СОДЕРЖАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Понятие доказывания. Этапы, элементы и субъекты доказывания

Уголовное судопроизводство, реализуя свое назначение, разветвляется в виде последовательных, взаимосвязанных, обличенных в определенные правовые формы и к определенной правовой цели направленных действий [84, с. 40]. Стадийный характер пронизывает весь уголовный процесс и проявляется в делении его на более мелкие части (стадии):

- возбуждение уголовного дела;
- предварительное расследование;
- подготовка к судебному рассмотрению;
- судебное разбирательство и постановление приговора;
- апелляционное и кассационное производство;
- исполнение приговора;
- надзорное производство;

возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Каждая стадия процесса, в свою очередь, делится на связанные между собой, взаимообусловленные части, следующие одна за другой в установленном порядке и позволяющие фиксировать определенный результат деятельности. Закон четко регламентирует минимальный и всегда обязательный перечень следственных и судебных действий, очередность их производства и принятия процессуальных решений.

Доказывание — важнейшая часть процесса. Место, которое занимает доказывание в структуре уголовного процесса, является определяющим в назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Без доказывания нельзя разрешить уголовное дело по существу, нельзя постановить приговор, дающий ответы на вопросы, разрешаемые судом (ст. 299 УПК РФ). В готовом виде доказательств как сведений о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, не существует. Событие преступления отражается в реальной действительности в виде материальных и идеальных следов. Лишь в результате дока-

зывания, включающего в себя равноценные, взаимодополняющие стороны — мыслительную и практическую, происходит трансформация следов преступления в судебные доказательства. Доказывание осуществляется на всех стадиях уголовного процесса (за исключением стадии исполнения приговора), каждому этапу доказывания присущи особенности, обусловленные назначением каждой стадии процесса и условиями, установленными законом.

Содержание доказательственной деятельности отражается в ее структуре, включающей взаимосвязанные между собой элементы. В уголовно-процессуальной теории существует мнение, что перечень элементов, названный законодателем в ст. 85 УПК РФ, не является исчерпывающим, что в структуру доказывания должно включаться не три элемента, а больше. Такие предложения высказывались М. С. Строговичем, А. Р. Ратиновым, Н. А. Якубович, Р. С. Белкиным, А. Р. Белкиным, С. А. Шейфером, Ф. Н. Фаткуллиным, А. Б. Соловьевым и др. Анализ различных точек зрения приводит к следующим выводам:

нецелесообразно отказываться от таких элементов, как соби- рание, проверка и оценка доказательств, поскольку они составляют в самом общем виде структуру доказывания, именно эти три понятия закреплены в качестве элементов доказывания новым уголовно-процессуальным законодательством;

тем не менее эти элементы полностью не охватывают всего содержания доказывания; использование законодателем трех- членной формулы носит сугубо формальный характер;

необходимо расширить формулу структуры доказывания путем ее конкретизации рядом дополнительных элементов, избегая при этом конфликта с положениями и основными понятиями УПК РФ.

Элементы, закрепленные в законе, выражают самое существенное в структуре доказывания. Законодатель акцентирует на них внимание, наделяя статусом нормативных. Фактически же доказывание есть более многоаспектная деятельность. Ей должна соответствовать более сложная модель, отражающая более точно и детально структуру доказывания, все задачи, которые реализуются посредством доказательственной деятельности. Дополнительные элементы детализируют и конкретизируют нормативные элементы, а их совокупность может трактоваться как криминалистическое понятие структуры доказывания.

Таким образом, для устранения конфликта, возникающего между формальным и фактическим положением дел, нами предлагается наряду со структурой доказывания, состоящей из нормативных элементов, использовать криминалистический аналог данного процесса.

При этом проявляется общая тенденция одной из функций криминалистики по обслуживанию технических вопросов доказывания, на что обращалось внимание в юридической литературе [10].

Криминалистическое понятие доказывания включает следующие элементы:

отыскание (выявление);

прочтение обнаруженных следов, их расшифровка;

закрепление (фиксация), удостоверение;

проверка;

оценка;

использование доказательств в ходе производства следственных действий и судебном разбирательстве;

обоснование соответствующих выводов при формулировании промежуточных и итоговых решений по делу.

Что касается предложения о включении в структуру доказывания в качестве самостоятельного элемента построения следственных версий [92, с. 10—14], то оно представляется ошибочным. Ведь для того, чтобы выдвинуть версию, надо располагать фактическими данными, отыскать доказательства, зафиксировать и оценить их, т. е. осуществить процесс доказывания. Выдвинув на основе собранной информации ту или иную версию, ее необходимо затем проверить (опять же путем доказывания). Из этого следует, что версия определяет направление уголовного преследования, построение версий является не элементом структуры доказывания, а, как это правильно отмечает Р. С. Белкин, «инструментом» доказывания, сами же версии «представляют своеобразный “компас” процесса доказывания, определяющий его объем, направленность и способы, необходимые для собирания, исследования и оценки обстоятельств» [88].

Таким образом, доказывание не ограничивается только выявлением, сбором и фиксацией обнаруженных следов в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Формирование полноценной совокупности доказательств, по-

звolyающей разрешить уголовное дело, завершается лишь после проверки и оценки их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Доказывание, являясь процессом познания истины, может быть отнесено к динамическим системам. Изменения касаются различных его аспектов: меняются очередные цели и задачи, этапы, субъекты доказывания, пределы и степень доказанности фактических обстоятельств. Указанные изменения определяют движение уголовного дела. В этом заключается одна из отличительных черт доказывания.

Основой же движения (изменения) является степень исследованности зафиксированной доказательственной информации, которая накапливается и проверяется в результате практической деятельности ведущего субъекта доказывания. По мере накопления фактических сведений наступает момент качественного изменения доказательственной информации. При этом встает задача совокупной логической оценки доказательств, обоснования на ее основе соответствующих выводов, формулирования промежуточных и итоговых решений по делу, в том числе выраженных в процессуальных документах [38, с. 86].

Вывод, являясь выражением результатов соответствующего этапа деятельности, связывает отдельные этапы доказывания между собой. Как отмечает Л. М. Карнеева, «основание решения связано как с совокупностью обстоятельств, так и со степенью их исследования (углублением знания о них)» [33].

Процесс формирования доказательств начинается с момента обнаружения следов преступления и завершается, когда доказательство, подвергнутое проверке и оценке, будет включено в совокупность доказательств либо по каким-то признакам будет забраковано. Доказательства проверяются и оцениваются уже на начальных стадиях, но преимущественно указанные структурные элементы доказывания реализуются на завершающих стадиях процесса, где законом предусмотрены наиболее благоприятные условия для установления относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств.

Участников уголовного процесса с учетом их полномочий при осуществлении доказательственной деятельности можно объединить в следующие группы:

а) лица — властные участники, ответственные за дело, на ком лежит обязанность по доказыванию и разрешению дела (дознатель, следователь, прокурор, суд);

б) лица с собственным или представляемым законным интересом — наделены правами, позволяющими им участвовать в доказывании, давая показания, участвуя в следственных действиях, предоставляя предметы и документы, которые могут послужить основой для формирования доказательств, заявляя ходатайства о признании доказательств недопустимыми и т. п. (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик);

в) лица — источники сведений, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт);

г) лица, играющие подсобно-вспомогательную роль в доказывании (специалист, понятой, переводчик и др.).

Как известно, по новому уголовно-процессуальному законодательству, предварительное расследование осталось розыскным, но с усилением контрольных и разрешительных полномочий суда. Право собирания доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий, в том числе с применением мер принуждения, предоставлено только властным субъектам уголовного процесса, должностным лицам, ведущим судопроизводство и ответственным за его ход и результат [48].

Дознатель, следователь, прокурор и суд обязаны собирать доказательства, проверять и оценивать их (ст.ст. 86, 87, 88 УПК РФ). На них же лежит обязанность признания доказательств недопустимыми (чч. 2, 3, 4 ст. 75, ст. 88, ч. 5 ст. 235, ст. 335 УПК РФ).

Субъекты доказывания в уголовном процессе различаются как по характеру, так и по объему своих прав и обязанностей, находящихся в прямой зависимости от занимаемого процессуального положения, назначения соответствующей стадии и условий реализации принципов уголовного судопроизводства, на которой они выступают его ведущим субъектом. Именно поэтому доказательства, полученные ненадлежащими субъектами, признаются недопустимыми.

Новое уголовно-процессуальное законодательство, освобождая суд от обязанности принимать все предусмотренные меры к

установлению события преступления и лиц, виновных в совершении преступления, «решительно меняет формы и пределы участия суда в доказательственной деятельности» [48, с. 7].

«В состязательном судопроизводстве исследование доказательств производят стороны, а суды лишь следят, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент» [66]. Как известно, российским уголовным судопроизводством не воспринята модель англосаксонского судебного разбирательства, где суд полностью пассивен, обеспечивает лишь возможность сторонам использовать свои права в состязательном процессе. Так, на предварительном слушании суд вправе допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документы, указанные в ходатайстве (ч. 3 ст. 235 УПК РФ). В судебном разбирательстве с целью проверки и оценки исследуемых доказательств, суд наделен правом задавать вопросы подсудимому, свидетелю, потерпевшему, эксперту (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278, ст. 282 УПК РФ), по собственной инициативе назначать судебную экспертизу (ч. 1 ст. 283 УПК РФ), участвовать в осмотре вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ). В законе нет прямого указания на право суда по собственной инициативе проводить осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, освидетельствование, предъявлять для опознания. Тем не менее «нет оснований, лишить суд этого права, поскольку все указанные действия направлены на проверку имеющихся в деле или представленных в суд доказательств, без чего суд не сможет оценить их достоверность» [48].

С вступлением в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31 мая 2002 г. с изм. и доп. «защитительная функция» юстиции получает приоритет над «карательной» [51, с. 3]. Как известно, в новом уголовном процессе не введено параллельное расследование, проводимое стороной защиты. Однако субъекты процесса на стороне защиты (подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик и их представители) вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). В УПК РФ применительно к правам защитника указаны пути собирания им доказательств (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Кроме того, предусмотрен ряд гарантий обеспечения прав как на собирание, так

и на представление доказательств и равенство его прав с правами обвинителя на исследование доказательств в суде (чч. 6, 7, 8 ст. 234 и ст.ст. 244 и 291 УПК РФ). Закон наделяет защитника полномочиями, которые значительно расширяют возможности его участия в процессе доказывания:

право на привлечение специалиста;

обеспечение доступа к более широкому кругу документов в ходе расследования;

предоставление возможности по окончании расследования не только выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, но и снимать копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств.

В соответствии с другими нормами УПК РФ адвокат-защитник и адвокат-представитель имеет также право:

участвовать в допросе свидетеля;

присутствовать при обыске и другие (ст. 53 УПК РФ, полномочия защитника закрепляются также Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Сторона защиты может производить аудиозапись судебного заседания (ч. 5 ст. 241 УПК РФ) и противопоставлять ее содержание протоколу судебного заседания. В этой связи возникает необходимость производства судом звукозаписи хода судебного заседания на носитель, обеспечивающий неизменность записанной информации от какого-либо вмешательства, с приложением этого носителя к материалам уголовного дела. (Кафедрой криминалистики СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ разрабатывается технология использования аудиозаписи в судебном заседании с применением цифровой лазерной записи информации на дисковые носители с гарантией ее сохранности и неизменности.)

Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что деятельность защитника в уголовном судопроизводстве по-прежнему регулируется в наиболее общих чертах, во многом без конкретизации полномочий, ответственности, без четкого определения критериев законности, допустимости действий этого участника уголовного процесса, а потому требует уточнения, в этой части, некоторых положений УПК РФ [46].

1.2. Обусловленность особенностей процесса доказывания стадийностью уголовного судопроизводства

Доказывание детерминировано комплексом обстоятельств, в частности обусловлено типом суда и формой судопроизводства. Как уже отмечалось, российское судопроизводство имеет смешанную, соединяющую черты розыска и состязательности, процессуальную форму. Такая форма свойственна большинству европейских стран. Ей присущи закрытый и письменный характер предварительного расследования, открытый и состязательный судебный разбирательства [101].

Доказывание на каждой из стадий уголовного процесса имеет свои особенности, которые максимально проявляются в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства:

1. На стадии предварительного расследования ведущая роль в доказывании принадлежит дознавателю и следователю, реализующим функцию уголовного преследования. Деятельность этих субъектов осуществляется в условиях ограниченной законом самостоятельности, возможности оказания влияния на ее содержание прокурором, начальником органа дознания, начальником следственного отдела, судом.

На стадии судебного разбирательства ведущая роль принадлежит суду — самостоятельному и независимому субъекту процесса, реализующему функцию разрешения дела.

2. Выводы, зафиксированные в процессуальных решениях, являются официальными (легальными), так как эти решения принимаются властными субъектами уголовного процесса.

Выводы, содержащиеся в приговоре суда, завершают процесс доказывания, выражают государственную оценку содеянного, они базируются на результатах доказательственной деятельности суда, органов следствия и прокуратуры.

3. Доказывание в стадии судебного разбирательства осуществляется в условиях наиболее полного и последовательного действия всех принципов уголовного судопроизводства (выраженных в гл. 2 УПК РФ).

На предварительном расследовании действие принципов гласности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон ограничено.

4. Доказывание, осуществляемое в суде, реализуется преимущественно путем проверки и оценки доказательств, собранных

на досудебных стадиях и зафиксированных в материалах дела, обвинительном заключении или обвинительном акте. Поисковая деятельность в суде сводится, по сравнению с досудебными стадиями, к минимуму.

На момент судебного разбирательства суд и стороны располагают совокупностью доказательств, которые прошли в досудебных стадиях законченный цикл сбора, проверки, оценки и предварительных выводов, отражающих точку зрения соответствующего субъекта доказывания.

В суде, как правило, исследуются два варианта сведений об обстоятельствах совершенного преступления, картины происшедшего события и соответствующих выводов, отражающих самостоятельные позиции стороны обвинения и стороны защиты.

В суде имеются условия для активной реализации процессуальных интересов всеми участниками судебного разбирательства: возможности для сторон изложить в целостном и концентрированном виде свое отношение к исследуемым в суде доказательствам и решениям, которые на их основе принимаются судом (ст. 292 УПК РФ).

5. В ходе предварительного расследования исследование доказательств, содержащих сведения о преступлении, осуществляется по мере их обнаружения.

В суде очередность исследования доказательств может не соответствовать хронологии их обнаружения, а отражать наиболее оптимальную последовательность их рассмотрения (иначе, тактику судебного следствия), согласующуюся с интересами сторон.

УПК РФ закрепил возросшую роль государственного обвинения, что направлено на освобождение суда от несвойственной ему обвинительной функции, возложил на поддерживающего государственное обвинение прокурора всю ответственность за доказанность обвинения, его обоснованность. Согласно ч. 2 ст. 14 УПК РФ бремя доказывания вины подсудимого и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого и обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

С учетом этих принципиальных положений УПК РФ существенным образом ограничена возможность активного участия суда в процессе доказывания. Так, в действующем уголовно-процессуальном законе отсутствует предусматривавшееся ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР положение, обязывающее суд принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие наказание. В статье 29 УПК РФ речь идет лишь о полномочиях суда, связанных с разрешением уголовного дела, и о решениях, которые полномочен, принимать только суд как орган, осуществляющий судебную власть. В разделе IX УПК РФ («Производство в суде первой инстанции») полномочия судьи по собиранию и проверке доказательств, по существу, сводятся к праву *по собственной инициативе* назначить судебную экспертизу и вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения. В остальных случаях инициатива в собирании и проверке доказательств должна исходить от сторон.

Все эти положения вытекают из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Они обуславливают также еще одну важную новеллу УПК РФ: положение об обязательном участии обвинителя в судебном разбирательстве (ч. 1 ст. 246 УПК РФ), в том числе и государственного обвинителя по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (ч. 2 ст. 246 УПК РФ).

По УПК РФ инициатива в собирании и исследовании доказательств принадлежит стороне обвинения и стороне защиты, и закон не содержит института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. Это значительно ограничивает возможности обвинения по восполнению пробелов, устранению ошибок и просчетов предварительного расследования, обнаруживаемых в ходе судебного разбирательства.

Из этого следует, что важнейшими предпосылками для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, обеспечения публичных интересов, прав и законных интересов потерпевшего и подсудимого являются:

1) повышение качества предварительного расследования и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с существенным возрастанием в состязательном уголовном судопроизводстве значения института признания доказательств недопустимыми. Указанное требование закона, в свою очередь, предопределяет необходимость неукоснительного соблюдения законности в деятельности органов предварительного следствия и дознания при обнаружении, изъятии и процессуальном оформлении и использовании доказательств, а также обязанности органов прокуратуры адекватно реагировать на допущенные в этой части нарушения уголовно-процессуального закона;

2) активное участие государственного обвинителя в судебном заседании. Профессионализм и мастерство государственного обвинителя как ведущего субъекта доказывания в стадии судебного разбирательства проявляются, прежде всего, в умении:

эффективно распорядиться доказательствами, собранными предварительным следствием, максимально реализовав их доказательственный ресурс;

восполнить в судебном разбирательстве неполноту предварительного расследования;

исследовать причины возникновения ситуаций, связанных с попытками дезавуации, опровержения, фальсификации, подмены доказательств;

противодействовать указанным тенденциям в ходе судебного разбирательства;

в прениях сторон подвести итог судебного следствия с позиции обвинения, выступить с хорошо аргументированной, убедительной обвинительной речью.

В суде в условиях состязательности реализуются интересы обвинения в целом, результаты доказывания всех досудебных стадий процесса, проверяется и оценивается законность и результаты деятельности ведущих властных субъектов уголовного преследования. В суде государственный обвинитель формулирует и отстаивает позицию обвинения в целом, которая наряду с позицией защиты формирует окончательное решение — приговор суда.

Л е к ц и я 2

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОКАЗЫВАНИЯ

2.1. Судебные ошибки как итог существенных нарушений доказательственной деятельности

Для принятия итогового процессуального решения необходима соответствующая совокупность доказательств, допустимость и достоверность которых не вызывает сомнений. Сбор доказательств, сопряженный с существенными процессуальными нарушениями, неизбежно приведет к негативным последствиям. Сошлемся на практику так называемых судебных ошибок, имевших место в истории национального судопроизводства.

Судебная хроника содержит много примеров вынесения обвинительных приговоров невиновному лицу, а также несколько случаев вынесения неправосудного приговора к смертной казни. Ошибочному приговору предшествовали необоснованное задержание лица в качестве подозреваемого, дача санкции на арест подозреваемого при отсутствии к тому оснований, необоснованное привлечение к уголовной ответственности и т. п. В основном такие факты имели место по делам о тяжких преступлениях против личности, совершенных в отсутствие очевидцев. Обнародование материалов о судебных ошибках, включение их в круг исследований наук уголовно-правового цикла позволило проанализировать их природу, установить порождающие их негативные факторы, определить направления по их противодействию. Вначале к причинам, которые привели в итоге к судебным ошибкам, относили лишь те, что были связаны с личностью следователя: его низкой профессиональной подготовкой, неправильным отношением к служебной деятельности и т. п. На самом деле за этим стояли более глубокие негативные явления [86, 105, 12, 80].

Главными причинами судебных ошибок явились обвинительно-репрессивный характер судопроизводства СССР и укоренившиеся в уголовном преследовании в этот период незаконные стандарты и методы его практического осуществления. Содержание стандартов, целью которых было не установление истины, а изобличение «виновного», выразилось в обвинительном

уклоне, судебном бюрократизме и «штампованных» приговорах [12, с. 49—50].

С точки зрения доказательственного права суд самостоятельно не осуществлял процесс доказывания, а принимал представленные ему доказательства, собранные на досудебных стадиях, и, фактически не исследуя их, выносил приговор. Следует признать также, что в указанный период судебные гарантии, по сути, были профанацией. В юридической литературе отмечалось, «что практически не гласный суд, как это должно быть, а закрытое предварительное следствие стало в нашей стране основной стадией уголовного процесса, на которой в значительной степени предreshается вопрос о виновности человека» [36, с. 12].

Примером порочного стандарта осуществления уголовного преследования указанного периода служат материалы дела сексуального маньяка Михасевича. Расследовалась серия зверских преступлений, связанных с нападением на женщин, глумлением над ними и их убийством. Резонанс от серий преступлений, совершенных сексуальным маньяком, может быть огромен. Ставшие известными общественности факты о преступной деятельности сексуального садиста, да еще обросшие слухами, могут парализовать жизнь целых регионов. Подобная категория дел окружена эмоциональным настроем, сформированным общественным мнением, который способствует вынесению смертного приговора, появлению уверенности в поддержке вышестоящих инстанций и одобрении общественности [36].

Алгоритм уголовного преследования, соответствующий порочным стандартам того времени, таков. Появляются подозреваемые Т. и К., ранее неоднократно судимые, которые и «сознаются». Показания обвиняемых Т. и К. противоречивы, путаны, признания сменяются отрицанием вины. Один из обвиняемых К., признаваясь в совершенном, избличает второго обвиняемого Т., который оспаривает обвинение и просит о новом расследовании дела. Тактика защиты в судебном заседании заключается в выявлении лишь обстоятельств, смягчающих вину подсудимых. На приговор, которым К. был осужден к 15 годам лишения свободы, а Т. — к высшей мере, защитник подсудимого К. жалобу не подал. Защитник подсудимого Т. в кассационной жалобе просит о смягчении наказания, учитывая, что Т. «чистосердечно признался и что убийство было совершено по инициативе К.». В материалах дела эта жалоба соседствует с жалобой осужденного Т., который оспаривает обвинение и подробно объясняет, почему «сознавались» и он и его соучастник. Этот приговор будет отменен по протесту прокурора лишь спустя шесть лет, после того как Т. за деяние, им не совершенное, будет расстрелян, а его соучастник К. отбудет более трети заключения в ИТК [12].

Перечислим наиболее распространенные нарушения закона, приводящие к дефектам доказательств, имевших место в судебно-следственной практике:

1) необоснованное привлечение к уголовной ответственности невиновного лица с тем, что бы оно взяло на себя вину другого человека. Цель — самооговор невиновного лица;

2) арест подозреваемого лица при отсутствии к тому достаточных оснований. Цель — получение доказательств виновности лица;

3) необоснованное задержание невиновного лица в качестве подозреваемого, водворение в камеру предварительного заключения, производство допросов в ночное время, с использованием физического и психического насилия. Цель — оговор лиц, на которых указывают работники правоохранительных органов;

4) односторонность предварительного следствия, в результате чего важные для дела обстоятельства проверяются лишь в рамках одной из возможных версий. При этом игнорируются противоречия в материалах дела; под надуманными предлогами или необоснованно отклоняются ходатайства обвиняемых и их защитников о производстве процессуальных действий, которые могли бы способствовать установлению невиновности привлекаемых;

5) подлог и фальсификация официальных документов — материалов уголовного дела: протоколов допроса свидетелей; протоколов осмотра места происшествия; актов экспертиз и др. [65, 36, с. 11].

Реакцией на подобную негативную практику является обязательная проверка фактов, свидетельствующих о признаках преступлений против правосудия, совершаемых работниками правоохранительных органов.

Обвинительный уклон расследования, натяжки, выражающиеся в отработке только одной из возможных версий и игнорировании ходатайств обвиняемого, пробелы и процессуальные нарушения следствия могут быть порождены рядом негативных факторов, которые можно разделить на две группы: факторы, связанные с деятельностью представителей властных органов (профессиональная некомпетентность, личная заинтересованность в определенном исходе данного уголовного дела, коррупция, карьеристские соображения, обеспечение «благоприятных» показателей, пороки восприятия реальных фактов действитель-

ности и т. д.), и факторы, связанные с деятельностью лиц, противостоящих стороне обвинения.

Характеризуя вторую группу факторов, необходимо отметить, что они возникают на ранних этапах доказывания и сохраняют свое воздействие на последующих. Подобное воздействие может оставаться до определенного момента скрытым и не вызывать соответствующего реагирования со стороны властных субъектов доказывания. Так, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля являются наиболее уязвимыми в плане устойчивости сведений. Судебно-следственной практике известны случаи, когда дезавуированию, фальсификации подвергаются и другие доказательства, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Проиллюстрируем на примере преступлений, связанных с криминальными взрывами, природу и последствия факторов, воздействующих на свидетельскую базу доказательств. Обстановку совершения криминальных взрывов отличает почти полное отсутствие очевидцев преступления, в том числе в результате их гибели. Если удастся их установить, то даваемые ими показания мало способствуют воссозданию картины происшедшего. Действия террористического характера в условиях полной неожиданности, усиленные значимостью воздействия взрыва (всех его поражающих факторов), вызывают острые стрессовые психические расстройства, что может проявиться в расстройстве памяти, неадекватности поведения, нежелании давать правдивые, подробные показания, т. е. выполнить требования закона, свои процессуальные обязанности. Сказанное в равной степени относится к подозреваемому, свидетелю, потерпевшему. При этом могут иметь место умышленное неисполнение своих обязанностей и другие формы противодействия, обусловленные страхом мести, расправы со стороны преступника, организатора и в целом преступной организации.

Безусловно, достоверность показаний упомянутых лиц, оказавшихся в схожих ситуациях, нуждается в тщательной проверке. Требуется определенного такта и применение соответствующих приемов; в исключительных случаях сопровождения со стороны судебной медицины и психиатрии.

Недостоверные сведения, которыми располагают органы предварительного следствия, не могут быть положены в основу обвинения.

Органами предварительного расследования граждане С. и Д. обвинялись в создании устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан. Кроме того, гражданин С. — также в руководстве бандой и участии в совершаемых ею нападениях, а граждане Д. и А. — в участии в банде и в совершаемых ею нападениях. Граждане С. и Д. также обвиняются в том, что в со-

ставе организованной группы совершили убийство двух лиц, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное общеопасным способом, из корыстных побуждений, по найму, сопряженное с бандитизмом.

В основу обвинения органы предварительного расследования положили показания потерпевшей Т., жены убитого потерпевшего Т. Однако в ходе судебного следствия Т. дала показания, которые не соответствовали ее первоначальным показаниям, а также показаниям свидетелей Л. и Э.

Как доказательство виновности С. следствие представило вещественное доказательство — ежедневник потерпевшего Т. По поводу ежедневника потерпевшая Т. дала суду пояснения, изобилующие словами «очевидно», «видимо». Это свидетельствует о том, что сведения, на которых строятся выводы следствия, являются недостоверными и не могут быть положены в основу обвинения.

Кроме того, в основу обвинения органы следствия положили показания потерпевшего И. В суде И. пояснил, что впервые заявил о своей осведомленности об обстоятельствах совершения убийства Т. только спустя два года после убийства — 11 ноября 1999 г. И. указал также, что об убийстве и применении в качестве оружия автоматов с укороченными прикладами ему стало известно со слов подсудимого С. Несмотря на отсутствие в ведомостях телефонных переговоров по мобильным телефонам за 11 ноября 1997 г. между подсудимыми С., Ф., Я., о чем имеются лишь показания потерпевшего И., следствие делает вывод о том, что такие переговоры могли иметь место. Данный вывод, по мнению суда, также основан на противоречивых суждениях и не может быть положен в основу обвинения.

В судебном заседании не нашли своего подтверждения сведения о мотивах убийства и причинах, обусловивших создание банды, на которые ссылается следствие. Судом было установлено также противоречие, заключавшееся в том, что свидетель Б. и обвиняемый Д. не были знакомы. Свидетель тем не менее утверждал, что запомнил приметы нападавшего, в то время как обвиняемый отрицал сам факт своего присутствия в указанном месте и в определенное время. Оpozнание следствием не проводилось, что лишило возможности проверить показания свидетеля и опровергнуть алиби Д.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что перечисленные органами следствия в качестве доказательства обвинения документы, относящиеся к деятельности ЗАО «Барбалетта», директором которого являлся убитый Т., регулировали отношения внутри предприятия, поэтому они не могли быть положены в основу обвинения. Предложенная органами следствия интерпретация этих документов является предположительной и не может служить доказательством по делу. Суд, исследовав все собранные и представленные следствием доказательства, пришел к выводу о невинности С. и Д. в убийстве Т. и Я. Суд в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ оценил показания потерпевшего как недопустимые доказательства, поскольку они основаны на догадках, предположениях и слухах.

В заключение данного раздела отметим, что имевшие место в практике национального правосудия многочисленные «судебные ошибки» породили синдром недоверия к методам и результатам доказательственной деятельности досудебных стадий про-

цесса, привели к формированию стандарта, согласно которому в суде проверке и оценке, в первую очередь, подвергаются результаты доказывания предшествующих субъектов. Таково мнение судей и государственных обвинителей, высказанное ими в ходе проведенного опроса. Объектом проверки и оценки допустимости и достоверности доказательств являются материалы уголовного дела с обвинительным заключением. Эти материалы как результат доказательственной деятельности досудебных стадий процесса становятся основой для поддержания государственного обвинения и в дальнейшем постановления приговора.

В ходе судебной реформы одновременно с изменением функционирования всех звеньев системы уголовного судопроизводства изменяется правоприменительная и судебная практика. Следует признать, что новая правоприменительная практика только начинает формироваться. Еще сохраняются негативные тенденции и стандарты, сопровождавшие тоталитаризм государства в репрессивной сфере, они еще достаточно ощутимо себя проявляют в фактах укрывания преступлений от учета, прекращения дела по нереабилитирующим основаниям или приостановления дела «за не установлением виновного» и т. п. Перечисленные действия направлены на то, чтобы «решить» судьбу дела на досудебных стадиях процесса, где интересы личности менее защищены в сравнении со стадией судебного следствия [61].

В суде имеются процессуальные условия для сторон активно реализовать свои интересы в установлении всех обстоятельств по уголовному делу, изложить в целостном виде свое отношение к рассматриваемым доказательствам и тем решениям, которые на их основе принимались ранее и принимаются в ходе судебного разбирательства.

Однако результаты доказательственной деятельности, представленные суду, могут иметь скрытые пороки как объективного, так и субъективного характера. Существенным противоречием здесь является то, что вывод о результатах доказательственной деятельности, а также оценка собранных доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности формулируется на момент окончания предварительного расследования. В то время как познаваемое явление, его признаки, которые зафиксированы в промежуточном процессуальном решении (обвинительном заключении) и в материалах уголовного дела, не являются статичными, а могут видоизменяться. Проверка и оценка такого своеобразного «продукта» в

условиях, обеспечивающих наиболее полную реализацию принципов уголовного судопроизводства, может привести к иным выводам на новом этапе доказывания.

Залог эффективности и качества результатов доказывания зависит от деятельности его ведущих субъектов, точного выполнения ими предписаний уголовно-процессуального закона, исполнения служебного долга, базируется на высоком профессионализме.

2.2. Условия, определяющие принятие процессуальных решений по уголовному делу

Результаты интервьюирования показали, что у практических работников присутствует психологический барьер, не позволяющий им признать и разрешить коллизию, содержащуюся в доказательстве, т. е. дать правильную оценку доказательству. В то же время субъект доказывания, не определив ценность конкретного доказательства или их совокупности и их значимость в установлении обстоятельств виновности лица или обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, а также смягчающих наказание, не может формулировать свои выводы и принимать процессуальные решения [67, с. 35—37].

Наличие психологического барьера привело к формированию стандарта технологии доказывания — обоснование выводов при формулировании итоговых решений по делу. Ошибочность этого стандарта, укоренившегося у значительной части практических работников, заключается в том, что полномочный субъект доказывания «прячет» известные ему противоречия, не показывает их в своих итоговых решениях (например, в обвинительном заключении). Имеющиеся в деле, но отсутствующие в итоговом документе, не подвергнутые дискредитации недостоверные сведения, а значит, не отвергнутые как установленный факт доказательства создают эффект мины замедленного действия. Скрытое противоречие, не нашедшее соответствующей оценки следователя и дознавателя в итоговом процессуальном решении, влечет негативные последствия, например становятся невозможными своевременный учет таких противоречий и адекватная реакция государственного обвинителя при выборе соответствующей тактики исследования доказательств, что приводит к утрате обвинителем инициативы, которая переходит к стороне защиты. Это может привести к неверному судебному решению.

Подобная технология оценки доказательств формировалась в 50-х годах XX в. Она соответствовала идеологии советской уголовно-процессуальной науки, заключавшейся в фактическом препятствовании реальной состязательности в судопроизводстве. Так, высказанное опасение о том, что эмоции и суждения о фактах нередко подменяют сами факты, подтверждающие преступление, привело к тенденции исключения из обвинительных заключений вообще каких-либо оценок, в частности тех, которые более четко очертили бы сами факты [67, с. 35].

Этот неверный стандарт и по сей день широко распространен среди практических работников. Отметим лишь, что в настоящее время он претерпел некоторую трансформацию. Изменилась также мотивировка его использования.

Обращение к содержанию Постановления Президиума Верховного суда РФ от 18 июня 2003 г. № 169 в отношении подсудимой Ашировой Е. С. позволяет определить современное отношение к указанной проблеме [70].

В Постановлении отмечается, что основанием возвращения дела прокурору явилась необходимость устранения нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных следователем при составлении обвинительного заключения. Согласно ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь, наряду с другими обстоятельствами, обязан привести перечень доказательств, подтверждающих обвинение. В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечисляются источники доказательств, к которым относятся показания подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. Надлежит признать, что в соответствии со ст. 220 УПК РФ следователь обязан сослаться не только на источник доказательств, как это имеет место в обвинительном заключении по данному делу, но и привести сами сведения, составляющие их содержание как доказательств. По мнению Президиума Верховного суда РФ, нарушение сводится к ошибочной трактовке понятия перечня доказательств, который следует указать в обвинительном заключении. Отсутствие в обвинительном заключении перечня доказательств лишает обвиняемую возможности оспорить отдельные из них и выработать тактику защиты в судебном заседании. Доводы о том, что Аширова и защитник в полном объеме ознакомлены с материалами уголовного дела, не освобождают от необходимости изготовления органами предварительного следствия обвинительного заключения, соответствующего требованиям закона, и своевременного его вручения обвиняемой до начала судебного разбирательства.

Следует пояснить позицию, выраженную в надзорном представлении Президиуму Верховного суда РФ. Коллизия возникает в силу реализации принципа состязательности и равенства сторон в суде. Надзорное представление отражает точку зрения ряда практиков и ученых о возникшем дисбалансе — несоразмерным с защитой интересов общества и государства, расширением гарантий прав и свобод личности в уголовном процессе. (Утверждение о том, что на первом месте среди задач уголовного процесса стоит защита личности, поднимает вопрос: какую личность следует защищать — обвиняемого от органов государства или потерпевшего от преступника?) В судебно-следственной практике такой дисбаланс приводит к расширению гарантий, обеспечивающих защиту интересов подозреваемого и обвиняемого (подсудимого) в ущерб защите прав и интересов потерпевшего. Подобный приоритет интересов приводит к перемещению задачи укрепления законности и правопорядка на второй план, что становится существенным препятствием в борьбе с преступностью в условиях тяжелейшей криминальной обстановки в нашей стране [49, 107]. (По мнению практиков, высказанному в ходе проведенного опроса в СПб ЮИ ГП РФ, с принятием нового УПК, значение стадии предварительного расследования фактически обесценено.)

Сторона обвинения стремится не раскрывать, насколько это возможно, содержание собранной на досудебных стадиях доказательственной базы. По этой причине в деятельности обвинения появилась тенденция к засекречиванию сведений, установленных в ходе уголовного преследования, подтверждающих выводы обвинения. По сути дела, речь идет о формировании соответствующей технологии использования собранных доказательств в доказательственной деятельности в условиях состязательности уголовного процесса, которая состоит в том, что момент представления обвиняемому и защите доказательственных фактов в полном объеме не совпадает с моментом окончания предварительного расследования, а наступает позднее — в ходе судебного разбирательства. До этого в выводах обвинения, изложенных в итоговых процессуальных документах, отсутствует или предельно завуалирован полный перечень всех собранных обвинительных доказательств и подробный анализ их проверки и оценки, отражающий логику их использования в обосновании позиции обвинения в суде. Какова же цель подобной технологии

доказывания? В силу того, что только в суде формируется окончательный вывод по делу, который в формализованном виде выражается в приговоре, позиция обвинения с полным и детальным обоснованием выводов, должна оглашаться только в ходе судебного разбирательства. До этого момента доказательственная база, обосновывающая позицию обвинения, должна быть известна стороне защиты в самом общем виде, в минимальном объеме. На практике эта тенденция выражается в исключении из обвинительного заключения, сведений, содержащихся в доказательствах, представлении источников (средств доказывания) вместо сведений (доказательственных фактов), содержащихся в них.

Высказанная нами точка зрения о неверном стандарте использования и оценки собранных доказательств, практикуемом на досудебных стадиях, согласуется с позицией Президиума Верховного суда РФ. Вместе с тем следует признать, что позиция, изложенная в надзорном представлении, с точки зрения интересов поддержания государственного обвинения достаточно логична и убедительна. Кроме того, данная позиция обусловлена формой российского судопроизводства, которое, как известно, сочетает закрытый и письменный характер предварительного расследования с открытым и состязательным характером судебного следствия. Это означает, что на стадии предварительного расследования действие принципов гласности, состязательности, равноправия сторон ограничено.

Как отмечает Б. Я. Гаврилов, ст. 220 УПК РФ может быть отнесена к числу прогрессивных, принципиально отличающихся от ст. 205 УПК РСФСР, так как в обвинительном заключении не должен приводиться подробный анализ доказательств. Однако данную норму, по его мнению, не воспринимают отдельные руководители правоохранительных органов. Соответствующую лепту в этот процесс внес Верховный суд РФ, судебная коллегия которого и Президиум в своем постановлении указали, что «следователь обязан не только сослаться на источник доказательств, но и привести сами сведения, составляющие их содержание как доказательств» [21].

Предпринятый нами анализ судебной практики показывает, что проблема заключается в необходимости и умении: а) оценить собранную совокупность доказательств и на их основе обосновать соответствующие выводы по делу, рационально ис-

пользуя собранные доказательства в целях уголовного преследования; б) определить момент, когда наиболее целесообразно, в условиях равенства сторон и состязательности процесса, представлять стороне защиты в полном объеме данные об источниках доказательств и содержащиеся в них сведения (исследовать наиболее важное и ценное доказательство виновности подсудимого), на которых базируются выводы и позиция обвинения.

Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод в 1998 г. УПК РФ в ч. 3 ст. 1 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Пункт «а» части 3 статьи 6 (6.3.а) Конвенции содержит обязательное положение о том, что обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: «быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения». Слово «подробно» предполагает, что доказательственная информация, на получение которой обвиняемый имеет право, является более подробной и конкретной по сравнению с той, которую он должен получить «при законном аресте, произведенном судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения». Согласно Конвенции «каждому арестованному сообщаются незамедлительно на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение» (ст. 5.2). *Европейская комиссия постановила, что указанная информация должна «включать в себя материалы, позволяющие обвиняемому подготовиться к осуществлению защиты по своему делу... однако без необходимости упоминания доказательств, на которых основывается предъявленное ему обвинение».*

В ходе производства по делу «Брозичек против Италии» Европейский суд не указал на необходимость информирования обвиняемого об имеющихся против него доказательствах, ограничившись информацией, «содержащей перечень преступлений, вменяемых ему в вину, указания на места и даты их совершения, ссылку на соответствующую статью Уголовного кодекса, а также упоминание имени и фамилии потерпевшего». При этом отмечается, что указанное судебное решение ограничивает возможности для проведения необходимого различия между требованиями статей 6.3.а и 5.2 Конвенции. Хотя количество информации, которая должна предоставляться в соответствии со статьями 6.3.а, может быть уменьшено в виду важности с точки зрения оперативных со-

ображений существа уголовного дела. Кроме того, указанное ограничение компенсируется тем обстоятельством, что дальнейший ход судебного разбирательства предусматривает обязанность предоставлять обвиняемому всю дополнительную информацию [110].

Практика Европейского суда говорит о том, что в споре о представлении стороне защиты в полном объеме данных об источниках доказательств и содержащихся в них сведениях, на которых строятся выводы обвинения, ставить точку преждевременно.

Имеются ли дополнительные резервы повышения эффективности процесса оценки доказательств? Ответ на этот вопрос находим в материалах опросов судей и государственных обвинителей, проведенных автором. Результаты опросов выявили причины, затрудняющие процесс оценки доказательств, а также круг вопросов, требующих своего разрешения, показали, что, первостепенным для практических работников является уяснение содержания понятия «внутреннее убеждение», соотношения данного понятия и производимой на его основе оценки доказательств. В отсутствии объективных критериев у категорий «сила», «ценность», «достаточность» они видят существенное препятствие для применения Правил оценки доказательств, сформулированных в ст. 88 УПК РФ. Процедура оценки степени доказанности исследуемого деяния и виновности лица в совершении инкриминируемого преступления (закрепленная в ст.ст. 17 и 299 УПК РФ) нуждается, по их мнению, в объективизации.

Негативно характеризуя формулировки действующего закона, посвященные проверке и оценке доказательств, практические работники свою позицию аргументировали следующим образом:

а) они усматривают в положениях нормы нечеткость, прилизительность, излишнюю абстрактность содержания упомянутых категорий (ст.ст. 87, 88 УПК РФ);

б) они полагают, что подобные формулировки не обеспечивают необходимых правовых предпосылок для их применения;

в) их не устраивает преувеличенное, чрезмерно расширительное и ни в чем не формализованное содержание таких понятий, как «внутреннее убеждение» и «свобода оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ).

Приведенное мнение практиков заслуживает внимания, ибо имеет определенные основания. Закон детальнее всего регла-

ментирует собирание доказательств, менее подробно — проверке доказательств, которая связана с мыслительной и практической деятельностью. Законодатель ограничивается лишь указанием на один из способов проверки — сопоставление доказательств (ст. 87 УПК РФ).

Что же касается оценки, то содержание этой стороны доказательственной деятельности выражено в законе чрезмерно абстрактно. Отчасти это является следствием статутного характера нашего национального законодательства. В силу такого подхода законодатель ограничивается лишь указанием на то, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства оцениваются в совокупности с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ). Указывается также, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Все вышесказанное позволяет прийти к следующему выводу: *отсутствует четкая нормативная регламентация исследования доказательств, нет сложившейся судебной практики по вопросам оценки доказательств. Указанные факторы существенно затрудняют установление важнейших элементов структуры доказывания — проверки, оценки, обоснования итоговых выводов и формулирования на их основе законных процессуальных решений.*

Указанная сторона доказательственной деятельности не имеет к тому же соответствующего криминалистического обеспечения, что в определенной мере затрудняет решение отмеченных выше проблем.

Отсутствие достаточного числа исследований, посвященных оценке доказательств, создает определенные сложности применения положений теории доказательств. Уход от решения вопросов, позволяющих ликвидировать пробелы теории доказательств, отвечающих потребностям следствия, прокурорского надзора за следствием и дознанием, поддержания обвинения, отрицательно сказывается на результативности этой деятельности.

Можно отметить разобщенность, неточность, приблизительность предлагаемых советов и рекомендаций, что приводит к выработке неверного стандарта (модели) технологии доказыва-

ния, к неправильному применению норм закона. Так, авторы «Руководства для государственных обвинителей» полагают, что все вопросы, связанные с процессом доказывания виновности конкретного лица, решаются в едином русле, которое определено уголовно-процессуальным законодательством. Ход их рассуждения таков: стадии предварительного расследования и судебного следствия «объединяет процесс доказывания, с той лишь разницей, что применительно к первой — акцент делается на отыскании новых доказательств, а во второй — на проверке и оценке уже имеющихся»; и делается вывод о возможности экстраполяции научных методов, разработанных для предварительного следствия, на стадию судебного следствия. Указывается, однако, что такой перенос нельзя делать механически, на этом ставится точка и какого-либо разъяснения на этот счет не дается [76, с. 15—17].

Если же обратиться к соответствующим программам исследования обстоятельств дела, предлагаемым авторами Руководства, можно увидеть, что для завершения полного цикла доказывания этого не достаточно [76, с. 15—27].

Назначение традиционных криминалистических методик и известных методов расследования — обеспечить наиболее полный и рациональный сбор доказательств по конкретному уголовному делу, использование апробированных методов действий в типичных ситуациях, некоторую методическую «стандартизацию», а в итоге — алгоритмизацию процесса расследования и отдельных следственных действий [14, с. 3—5].

Известные на сегодняшний день частные методики и методы расследования отвечают на вопросы:

а) что необходимо исследовать, т. е. формулируют конкретизированный перечень вопросов, исследование которых в ходе расследования определенного преступления обеспечивает установление обстоятельств, подлежащих доказыванию;

б) какие именно следственные действия и оперативные мероприятия надлежит произвести, чтобы собрать необходимую доказательственную базу, подтверждающую наличие преступного деяния и виновность лица, его совершившего.

Указанные методы в первую очередь обеспечивают криминалистическое сопровождение начальных стадий уголовного процесса, адресованы органу дознания, следователю, сотруднику ОРД, прокурору, надзирающему за следствием и дознанием.

Они используются для решения задачи раскрытия преступления, обнаружения виновного лица, оптимального сбора доказательств, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию, закрепленные ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, приоритетными для криминалистики оказались вопросы отыскания, сбора, фиксации доказательств, адресатом которых являются в основном властные субъекты досудебных стадий процесса.

Но процесс доказывания на этом не завершается, а начинается его очередной этап, который связан с дальнейшим движением уголовного дела. На этом этапе возрастает роль и значимость таких элементов, как проверка, оценка, использование собранных доказательств и обоснование выводов по делу. Реализация же этих элементов не обеспечена должным криминалистическим сопровождением в виде методов, алгоритмов (программ) действий с соответствующими целями и содержанием. Адресатами подобных рекомендаций (криминалистического обеспечения) являются властные субъекты доказывания — представители сторон и судейского корпуса.

По сравнению с досудебными стадиями в ходе судебного разбирательства дела информационно-познавательная и конструктивная деятельность его субъектов, в первую очередь государственного обвинителя, имеет существенные особенности. У дознавателя и следователя в результате доказательственной деятельности формируется представление о преступной деятельности виновного лица. При этом субъекты доказывания путем выявления и фиксации следов деяния реконструируют картину события преступления. Затем в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством трансформируют обнаруженные следы в судебные доказательства, которые передаются другим адресатам — субъектам доказывания следующих этапов уголовного процесса. Существо совершенного преступления представлено в материалах дела, основные его обстоятельства и подтверждающие их доказательства излагаются в обвинительном заключении. Наличие же итогового процессуального документа (обвинительного заключения) дает возможность всем участникам, имеющим процессуальный интерес и соответствующие на то права, ознакомиться с выводами органа предварительного расследования. Обвинительное заключение дает представление о содержании собранной доказательственной базы и ее оценке с

точки зрения стороны обвинения. В свою очередь, оно позволяет стороне защиты, исходя из своей оценки и собственных интересов, выразить собственное суждение, а при необходимости — несогласие с выводами в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

Государственный обвинитель на подготовительном этапе и в ходе судебного разбирательства мысленно возвращается в пространственную, временную и ситуационную сущность не только момента исполнения рассматриваемого деяния и после его совершения, но и параллельных процессов, а также ситуаций, сопровождавших ход его раскрытия и расследования. Обвинителем прослеживается движение значимой для дела информации и эволюция доказательств в процессе осуществления познания и установления всех обстоятельств в ходе судебного разбирательства дела [43, с. 18—19].

Нужны ли государственному обвинителю знания, изложенные в частных методиках расследования преступлений? Несомненно, — для проверки и оценки представленной суду совокупности доказательств, с целью уяснения обстоятельств совершения преступного деяния, производимого в ходе судебного разбирательства. Государственный обвинитель должен располагать также информацией о первоначальных следственных версиях и следственных ситуациях, сопровождавших ход расследования.

Закономерен вопрос: каков характер информации, которой должен располагать государственный обвинитель, чтобы эффективно реализовать собственные функции в уголовном процессе?

Государственный обвинитель должен обладать комплексом информации, включающим:

1) содержание преступного деяния — характер совершенных действий и виновности его субъекта.

Однако нельзя ограничиваться лишь установлением обстоятельств преступного деяния. Необходимо исследовать также содержание процессов и явлений, которые сопровождают ход уголовного преследования и определяют движение данного уголовного дела в процессе;

2) результаты деятельности органов предварительного расследования, экспертных служб, ОРД (информацию о выдвинутых и проверяемых следственных версиях; о характере следственных ситуаций, сопровождавших ход расследования; о пози-

тивных и негативных моментах деятельности представителей указанных органов);

3) содержание и способы действий лиц по воспрепятствованию уголовному преследованию и поддержанию обвинения;

4) тактику поведения, характер процессуальных и иных средств, избираемых стороной защиты для достижения собственных интересов в уголовном деле.

Эффективность деятельности государственного обвинителя повышается с применением метода моделирования, который в качестве метода исследования включает сбор, обработку и использование информации, дает возможность воссоздать содержание и условия явлений, прошлых и будущих событий, имитировать их процесс, взаимосвязи составляющих его элементов, их прямое и обратное влияние друг на друга. Исходя из этого, государственный обвинитель должен сформировать несколько моделей.

Моделирование описанных выше явлений и процессов может носить ретроспективный характер, ибо для этого используются сведения о событиях, имевших место в прошлом, либо перспективный (например, воспрепятствование наступлению уголовной ответственности и уголовному преследованию начинается с момента подготовки и исполнения преступного деяния, находит продолжение и развитие на всех стадиях уголовного процесса, как на досудебных стадиях, так и в суде; то же можно отнести и к формированию позиции защиты).

Надо исходить при этом из того, что важнейшими интересами подозреваемого, обвиняемого и подсудимого по делам чаще всего являются: 1) освобождение от уголовной ответственности и от наказания (полное или хотя бы частичное, по реабилитирующему либо хотя бы по нереабилитирующему основанию); 2) смягчение наказания (уменьшение размера наказания, замена более строгого наказания менее строгим и т. д.); 3) освобождение от имущественных требований, заявленных в рамках гражданского иска в уголовном деле; 4) реабилитация, т. е. возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, в случае возникновения прав на реабилитацию (гл. 18 УПК РФ); стремление подзащитного затратить как можно меньше средств на оказание юридической помощи; 5) иные

интересы (сохранение доброго имени, стремление в рамках закона «воздать по заслугам» заявителю о преступлении и т. п.).

В результате исследования, проведенного Ю. П. Гармаевым, появился фактический материал для построения мысленной модели возможного поведения адвоката и рационального использования этой информации в реализации функции обвинения в суде [22, с. 208—212].

Сведения о противодействии уголовному преследованию и избираемой тактике защиты могут быть получены:

из материалов досудебных стадий (в первую очередь из протоколов ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в связи с окончанием предварительного следствия (ст.ст. 215—219 УПК РФ);

от властных участников процесса, осуществлявших уголовное преследование и процесс доказывания (следователя, в чьем производстве находилось дело; прокурора, надзиравшего за следствием; представителей органов ОРД и экспертных служб, сопровождавших расследование дела);

от лиц, являющихся источниками сведений, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт);

путем анализа складывающейся в суде ситуации.

Исследование указанных сопутствующих процессов необходимо государственному обвинителю для того, чтобы при оценке доказательств максимально учесть все факторы, воздействующие на формирование полноценных доказательств, которыми будет располагать суд на момент принятия своего итогового решения. Находясь в конце цепочки уголовного преследования, государственный обвинитель свою позицию определяет с учетом результатов доказательственной деятельности предшественников. Но его оценка и выводы основываются не только на результатах деятельности предшествующих субъектов доказывания, которые зафиксированы в соответствующих процессуальных документах. Позиция государственного обвинителя в суде формируется с учетом средств и методов, примененных властными участниками процесса, а также условий, в которых осуществлялась их деятельность по данному уголовному делу, но как правило не находящих выражение в материалах дела. Такой сис-

темный и полный анализ необходим обвинителю для того, чтобы в ходе судебного следствия принимать решения, учитывающие все проблемы, стоявшие перед стороной обвинения в досудебных стадиях, влияющие на результаты. Цель исследования указанных процессов состоит, во-первых, в прогнозировании возможной эволюции (изменения количества, ценности и устойчивости) доказательств, представленных суду, во-вторых, в готовности к принятию процессуальных решений, в связи с возможными изменениями выводов, изложенных в обвинительном заключении.

Исследуемый доказательственный ресурс в суде может трансформироваться как в количественном, так и в качественном аспекте (в плане устойчивости и ценности конкретного доказательства и их совокупности) и повлиять на объем предъявляемого обвинения, что, в свою очередь, приведет к изменению первоначальной позиции государственного обвинителя, вплоть до отказа от обвинения. В связи с этим целесообразно условно определять предельную границу сокращения доказательственной базы, ее минимальный объем, позволяющий постановить обвинительный приговор, т. е. прогнозировать ситуацию, при которой процесс доказывания закончится отказом от уголовного преследования, вынесением оправдательного приговора. (Здесь мы затрагиваем вопрос установления достаточности доказательств, которому будет посвящена специальная лекция.)

Как показывает проведенный опрос практических работников, лишь немногие из них озабочены тем, чтобы по мере движения уголовного дела к логическому завершению собираемая ими доказательственная база оставалась устойчивой, чтобы она была оценена другими субъектами так же, как ими. Многие не понимают важности прогнозирования «судьбы» доказательственной базы и учета тех факторов, которые влияют на возможность ее изменения. Большинство практических работников не имеют навыков в решении этой важной задачи. Следует указать и на отсутствие соответствующих рекомендаций. Решение указанных вопросов, по нашему мнению, является предметом криминалистики.

Лекция 3

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

3.1. Понятие и содержание оценки доказательств

Перед субъектами доказывания, осуществляющими производство по уголовному делу, наряду с задачей собирания всех необходимых сведений о существенных обстоятельствах дела стоит также задача их оценки. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Без процесса оценки доказательств, кроме того, невозможно выдвижение следственных (судебных) версий и определение обоснованности одной из них. Оценка доказательств необходима также для формулирования выводов по делу, принятия различных процессуальных решений.

В ходе реформирования судебной системы, создания нового уголовно-процессуального закона некоторые аспекты оценки доказательств подверглись пересмотру в контексте новой идеологии доказательственного права, соответствующей назначению судопроизводства и конституционным принципам, гарантирующим права и свободы человека и гражданина.

Аксиомой стало утверждение о том, что формирование доказательств на основе оставшихся следов происходит лишь в результате доказательственной деятельности. Заслуживает внимания содержательная сторона формирования доказательства, когда все собранные сведения достигают статуса полноценного доказательства. По этому поводу в юридической литературе высказаны различные суждения. Так, отмечается, что это процесс длящийся и не ограничен лишь этапом собирания доказательств. Он связан не только с обнаружением и фиксацией следов, но включает также проверку и оценку доказательств путем установления их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Перечисленные категории «не отражают свойства, присущие доказательствам, а являются характеристиками производимых с ними операций» [29, с. 32]. При этом, по мнению К. Егорова, на завершающем этапе доказывания, при постановлении приговора, обосновании выводов по делу, доказательства оцениваются только с точки зрения достоверности и достаточ-

ности. Относимость и допустимость доказательств определяется на более ранних стадиях. Наиболее целесообразно и правильно признавать отдельные доказательства недопустимыми на стадии подготовки к судебному заседанию. Тем самым материалы дела не будут загромождаться данными, не имеющими отношения к предмету доказывания, и осложнять рассмотрение дела [29].

Заслуживает внимания точка зрения С. А. Шейфера, заключающаяся в следующем. Проверка и оценка относимости и допустимости доказательств реализуется как на начальных, так и на завершающих стадиях процесса. При формулировании конечных выводов на первый план выступает логический, обосновывающий элемент познания, в то время как на этапе собирания и проверки доказательств ведущую роль играет извлечение знаний. Тем не менее на начальных этапах имеется необходимость также обосновать надежность аргументов, оперируя которыми субъект доказывания подтверждает правильность своих выводов. Такая задача должна решаться и потому, что результаты начальных этапов доказывания обращены к будущему адресату, ведущему процесс доказывания на последующих его стадиях. «...Обоснование доброкачественности аргументов, то есть допустимости и достаточности доказательств, осуществляется следователем (хотя и не окончательно) уже в момент получения доказательств» [99]. Так, в ходе допроса в протоколе фиксируются данные о лице, свидетельствующие, что информация получена от надлежащего источника, отражаются условия допроса (место проведения, время, продолжительность, характер вопросов и пр.), констатирующие такой признак допустимости, как законность способа получения доказательств, вносятся уточнения и удостоверение допрашиваемым верности сделанных в нем записей и т. п., т. е. в момент получения показаний следователь своими вопросами выявляет степень их убедительности и достоверности. Таким образом, процесс извлечения знаний есть в то же время и процесс обоснования их правильности, они неотделимы друг от друга и взаимосвязаны. На отдельных этапах познавательного процесса извлечение знаний и обоснование их правильности имеют разный удельный вес.

Оценка доказательств процесс длящийся, вследствие чего оценка разными субъектами доказывания свойств доказательств (относимости, допустимости) на разных этапах (с момента обнаружения и до момента, когда доказательство по каким-то при-

знакам будет забраковано и исключено) может изменяться. Доказательство, признанное недопустимым, независимо от своей гносеологической, познавательной ценности исключается из совокупности (ч. 1 ст. 75 УК РФ), хотя «физически» может оставаться в деле [13].

Относимость и допустимость являются взаимосвязанными и взаимообусловленными свойствами доказательства, так как характеризуют его различные стороны. Процессы проверки допустимости и установления относимости доказательства тесно переплетаются. Оценка установленных фактов с точки зрения одного из них влечет необходимость учета этих выводов при оценке с точки зрения другого. Нередко требуется расширить рамки исследования относимости доказательства с тем, чтобы собрать дополнительные сведения о допустимости нового источника доказательства.

В свою очередь, оценка допустимости доказательства — необходимое условие оценки его достоверности. Следует иметь в виду, что признание доказательства допустимым, не предreshает вопроса о его достоверности; вывод о допустимости предшествует, но не заменяет вывода о достоверности.

Достоверность или правильность доказательства, по существу, устанавливается путем исследования в совокупности источника фактических данных и всего хода формирования доказательства. При этом необходимо проанализировать способности допрашиваемого к восприятию, запоминанию и воспроизведению информации, факторы, которые могут воздействовать на эти процессы, исказить действительную картину происшедшего события в глазах воспринимавшего его лица или ослабить запоминание, условия появления, сохранения и копирования материальных и идеальных следов, заинтересованность допрашиваемого в исходе дела, степень влияния заинтересованных лиц на содержание показаний допрашиваемого и т. п. Например, у следователя может возникнуть суждение о физических или психических недостатках, которые не позволяют лицу правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. В этом случае необходимо произвести освидетельствование для оценки достоверности показания этого лица (ст. 179 УПК РФ), назначить и произвести в случае необходимости судебную экспертизу (ст. 196 УПК РФ).

3.2. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств и обоснования выводов о доказанности

Более полное понимание основных принципов и содержания оценки доказательств в новом уголовном процессе невозможно без сравнительного исторически-правового исследования понятия «внутреннее убеждение», которое является принципом уголовного процесса.

Опросы практических работников показали, что первостепенным для них является уяснение правового содержания понятия внутреннего убеждения, соотношения данного понятия и производимой на его основе оценки доказательств, что необходима разработка алгоритма оценки свойств доказательств, который должен предусматривать два возможных ее варианта:

когда в законе имеются формализованные критерии соответствующих свойств доказательств (т. е. алгоритм применения нормы права);

когда в законе отсутствуют критерии оценки, согласно правовой презумпции о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (т. е. алгоритм деятельности свободной оценки доказательств).

Природа внутреннего убеждения определяется исходя из его гносеологического (познавательного), логического, психологического смыслов. Доказательственное право трактует внутреннее убеждение как понятие, обладающее специфическим содержанием, неразрывно связанное с понятием «усмотрение» субъекта доказывания. А. Р. Ратинов, делая акцент на познавательном и психическом аспектах данного понятия, рассматривает его «как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины» [73, с. 139]. Учитывая, что оценку доказательств производят конкретные лица — представители властных органов судопроизводства, внутреннее убеждение относят к субъективному началу в деятельности этих лиц. Субъективное начало, присутствующее в доказательственной деятельности, в свою очередь, объясняет многогранность и сложность этого понятия.

Семантическое толкование определяет внутреннее убеждение: а) как процесс склонения кого-нибудь (в том числе и самого себя) к определенному взгляду, поступку; б) как результат этого процесса, т. е. конкретное мнение, вывод; в) как отноше-

ние человека к своим знаниям, решениям и действиям, т. е. состояние уверенности, убежденности.

Внутреннее убеждение рассматривается как единство различных его аспектов: как метод, способ, принцип оценки доказательств; как критерий этой оценки; как ее результат. В последнем аспекте внутреннее убеждение выполняет свою функцию применительно к доказательствам, выводам субъекта о доказанности / недокazanности искоемых фактов (здесь внутреннее убеждение выступает в качестве метода формирования собственно вывода субъекта) [88, с. 474—484].

Слово «внутреннее» выражает также сущность метода, на основе которого происходит формирование убеждения, исключаящее всякое внешнее принуждение, что предполагает: а) необязательность оценки доказательства одного должностного лица для другого; б) необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанцией для последующей и необходимость проверки предыдущих оценок на последующих стадиях процесса; в) необязательность оценки доказательств вышестоящего органа для нижестоящего, в производстве которого находится дело, и недопустимость дачи указаний об определенной оценке отдельных доказательств или их совокупности; г) необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях, заключениях и т. п.; д) необязательность оценок, даваемых доказательствам лицами и органами вне уголовного процесса [88, с. 474—484].

Необходимо различать внутреннее убеждение при оценке доказательств и юридической оценке деяния, т. е. проводить различие между доказыванием фактических обстоятельств дела и юридических фактов [74, с. 24—45].

Юридическая оценка доказательств, так же как и оценка деяния, состоит в правильности применения норм материального и процессуального закона.

По отношению к деятельности судьи применяют понятие судебское усмотрение, включающее как логическую, мыслительную деятельность судьи в процессе, так и применение им норм права при проверке и оценке доказательств. В понятие «усмотрение» включается как внутреннее убеждение при оценке доказательств и юридической оценке деяния, так и убеждение при применении нормы права.

Судейское усмотрение определяется как полномочие лица, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна. Условиями, от которых зависит объем усмотрения, являются: сложность обстоятельств, степень выяснения законодателем значения этих обстоятельств и, наконец, разнообразие мер, которые могут быть приняты [1, 87].

Понятие «применение нормы права» взаимосвязано с понятием «толкование нормы». Нормы российского уголовно-процессуального закона носят общий и абстрактный характер. Вследствие этого возникает необходимость конкретизации и толкования нормы закона в процессе ее применения. Указанная операция имеет целью установить, соответствует ли определенная норма той ситуации, в которой действует субъект применения права. Задача толкования нормы формулируется как «раскрытие содержания нормы», или «развитие ее смысла» [45, 15]. Применению нормы права, должно предшествовать полное и объективное установление фактических обстоятельств дела.

Новый УПК суд присяжных делит на судей факта и судей права. У суда присяжных данное различие воплощается в процедуре его функционирования. Так, в соответствии со ст. 334 УПК РФ (полномочия судьи и присяжных заседателей) присяжными разрешаются только те вопросы, которые предусмотрены пп. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ и сформулированы в вопросном листе. То есть законодатель отстраняет присяжных от процесса обсуждения допустимости доказательств, исключает возможность выражения своего отношения к применению норм права, относя эти вопросы к юридической оценке деяния или доказыванию юридических фактов. Кроме того, в напутственном слове председательствующий приводит содержание обвинения, сообщает содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, напоминает об исследованных в суде доказательствах, излагает позиции обвинения и защиты, разъясняет присяжным правила оценки доказательств, порядок совещания. Подобная процедура позволяет присяжным реализовать принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), устанавливает правила применения метода, на основе которого происходит формирование убеждения и принятие решения при отсутствии принуждения и каких-либо внешних критериев, ис-

ключающее формальное определение силы и достаточности доказательств.

Использование внутреннего убеждения как метода оценки доказательств и обоснования выводов о доказанности зависит от степени формализованности правил, регламентирующих этот процесс, и наличия критериев, необходимых при установлении свойств доказательств. В процессуальном законе оценка свойств доказательств выражена с различной степенью определенности. Наиболее формализованы признаки, отражающие свойства недопустимости доказательства. Признаки, отражающие относимость, достоверность и достаточность доказательств, не имеют столь определенного критерия. Поэтому оценка указанных свойств является наиболее сложной и проблематичной в доказательственной деятельности и требует соответствующего криминалистического обеспечения.

При установлении перечисленных свойств доказательств используется синтез двух подходов: при наличии определенных нормативных критериев и при их отсутствии. При первом подходе субъект доказывания подводит уже установленные фактические данные под норму закона, в которой содержится их готовая оценка. При втором — оценка осуществляется по внутреннему убеждению субъекта доказывания исходя из свободы оценки доказательств.

Как известно, в теории доказательств существуют две альтернативные системы оценки доказательств: *«формальная система доказательств»* и *«сменившая ее «система свободы оценки доказательств исходя из внутреннего убеждения»*. Указанные системы, по сути, определяют идеологию теории доказательств в целом, имеют глубокое толкование в сфере законодательства и правоприменения. Каждая из систем имеет в своей основе концептуальную совокупность идей, положений и аргументов, их обосновывающих. Для определения путей модернизации процедуры судопроизводства полезен исторический опыт правоприменения указанных систем.

Известным русским юристом конца XIX в. И. Я. Фойницким подробно рассмотрена формальная система оценки доказательств, ее концептуальные положения и национальные особенности (Англия, Франция, Германия, Россия). И. Я. Фойницкий указывает, что в поиске основ, которыми надлежит руководствоваться в оценке доказательств, были применены изначально-

но Святое Писание и Моисеево право. Из указанных источников были взяты, в частности, такие правила: показание одного свидетеля ничтожно, ибо противовесом ему является показание обвиняемого; собственное признание обвиняемого устраняет необходимость всех прочих доказательств и др. То есть в основу системы формальных доказательств были положены некоторые универсальные обобщения (житейские презумпции), которые были приняты на тот период исторического развития общества. На этой почве образовалась «формальная», или «легальная», теория доказательств. Она состоит в том, что основания для оценки доказательств устанавливает законодатель; сами же основания в течение длительного периода развития общества проверялись практикой правосудия. Указанная теория в своем историческом развитии прошла две последовательные фазы, в соответствии с тем, допускалась ли пытка в процессе или не допускалась. Процесс, разрешавший пытку, полностью руководствовался собственным признанием вины обвиняемого, добываемым пыткой. С отменой пытки преобладающее значение собственного признания сохраняется. К его получению по-прежнему направляются усилия инквизиционного процесса, но посредством уже иных мер. Доказательством вполне совершенным является только собственное признание обвиняемого. Задача законодателя сводится к указанию других доказательств, более или менее к нему приближающихся, и определению степени такой близости.

Назначение теории формальных доказательств состояло в том, «чтобы подчинить решение дел безличной воле закона, упразднив доступную ошибкам умственную деятельность судьи при оценке доказательств и заменив ее деятельностью механической, состоящей в простом подсчитывании доказательств за и против, причем сила их наперед определена в законе» [93, с. 181]. Формальная теория разделяет все доказательства на совершенные, когда они исключают всякую возможность признать невиновность осужденного, в том смысле, что они вполне заменяют собой собственное признание, и несовершенные. Одного совершенного доказательства достаточно для осуждения лица; из нескольких несовершенных может образоваться совершенное доказательство.

Согласно Своду законов Российской империи (1857 г.) совершенными доказательствами считались те, которые исключали

всякую возможность признания невиновности. К ним закон относил: собственное признание подсудимого, письменные доказательства, личный осмотр, мнение экспертов, показания двух достоверных свидетелей и очистительную присягу, когда доказательства эти соответствовали указанному в законе условиям. Закон стремился в точности определить и степень силы доказательств. Так, закон постановлял, что показания одного свидетеля вообще почитается недостаточным, за исключением лишь случаев, когда будут при том и другие неоспоримые доказательства.

Наиболее разработанными и подробными были постановления о доказательствах германских уставов XVIII в. Многие из них определяли, какие доказательства равны не только 1/2, но 1/4, 1/8 и менее дробным долям совершенного, или полного, доказательства (признания обвиняемого). Деятельность судьи при этом сводилась к их арифметическому подсчету. При неполном доказательстве допускалось назначение пониженного наказания. Формальная система, кроме правил о силе доказательств, предлагала ряд правил о допустимости доказательств и способах доказывания. Так, некоторые события могли устанавливаться лишь определенными законом доказательствами (например, такой порядок устанавливался по делам об изнасиловании). Свод законов Российской империи такие доказательства называл предустановленными, исключавшими все другие.

Таким образом, формальная система определяла комплекс правил доказывания. Она нормативно установила критерии силы и ценности доказательства, ввела в оборот ряд понятий, которые в современном процессе широко используются и получили нормативное выражение. Пришедшая ей на смену система свободной оценки отказалась от какой-либо регламентации оценки доказательств, т. е. от всех формализованных правил и критериев, предусмотренных предыдущей системой.

Принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей возник одновременно с судом присяжных заседателей. Этот принцип выражал новую идеологию судопроизводства и был приспособлен к условиям его деятельности. Вердикту суда присяжных не требуется какого-либо обоснования, это не входит в обязанность присяжных; принятое ими решение трактуется как безотчетное веление разума, «выражение народной совести». Отказ от формальной системы выражал идеи но-

вой модели судопроизводства, был вызван девальвацией содержания правил сбора, оценки, использования доказательств, которые базировались на религиозных и классовых представлениях средневекового общества. Эти правила вступили в противоречие с новыми презумпциями, которые формируются под воздействием объективных социальных факторов (изменение характера преступности и принимаемых мер уголовно-правового реагирования; расширение спектра источников и средств судебного доказывания и др.). «Очевидно потому, что принятые этой системой “критерии” достаточности доказательств для установления истины оказались произвольными, их применение во многих случаях было абсурдным, противоречило здравому смыслу, обстоятельствам дела, влекло многочисленные ошибки и насаждало среди судей бездумный, казенный формализм... В результате суд лишь формально подводил под указанные в законе признаки доказательства, имеющиеся в деле, не вдаваясь в их оценку по существу» [88, с. 429—430]. В 30-х годах XX в. многие отечественные процессуалисты считали «крайностями» как теорию формальных доказательств, так и принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей [69, с. 55—56] .

Нами разделяется эта точка зрения, однако что же необходимо взять на вооружение современной теории доказательств из этих классических концепций и от каких крайностей необходимо избавиться?

Известный процессуалист М. М. Гродзинский писал, что, освободившись от оков формальных доказательств, теория и практика «ударилась в другую крайность и объявили судью совершенно свободным от каких бы то ни было правил и указаний» [24, с. 5]. Сторонники этой точки зрения считали, что судья нуждается в указаниях о ценности отдельных видов доказательств, как вещественных, так и личных. В связи с этим было высказано предложение о разработке обязательных для судей объективных критериев ценности доказательств. Однако в уголовно-процессуальной науке на тот момент восторжествовала позиция, согласно которой необходимо значительно сократить область правового регулирования доказывания, ограничившись указанием в законе одних лишь процессуальных принципов и общих положений [44]. Такое мнение превалировало вплоть до введения в

1961 г. УПК РСФСР. Дальнейшее развитие современной теории доказательств показывает, что произошла интеграция двух вышеупомянутых концепций. Так, постепенно некоторые формализованные основания оценки, принадлежавшие легальной системе, вернулись в современную теорию доказательств. Идеология системы свободной оценки стала дополняться идеями формальной оценки, так как мыслительный процесс доказывания нуждается в формализации, а деятельность властных участников уголовного процесса — в регламентации. Процесс интеграции — это не прямое механическое заимствование прежних стандартов. Правила доказывания, включая оценку доказательств, модернизируются с учетом изменения универсальных стандартов (презумпций), что обусловлено в конечном счете эволюцией общества и правосудия.

Таким образом, можно констатировать, что теория доказательств постепенно эволюционирует в направлении объективизации отдельных правил и критериев сбора, оценки и использования доказательств. Эта тенденция проявляется как в российском уголовном процессе, так и в зарубежном.

В подтверждение вышесказанного можно привести следующие примеры: 1) утверждение презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ); 2) наличие в УПК РФ перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ); 3) определение понятия доказательства и наличие исчерпывающего перечня источников, которые допускаются в качестве доказательств (ст. 74 УПК РФ); 4) наличие правил допустимости доказательств (ст. 75, 89 УПК РФ); 5) критерии оценки признания подозреваемого и обвиняемого (ст.ст. 76, 77 УПК); 6) регламент процедуры собирания, проверки и оценки доказательств (ст.ст. 86, 87, 88 УПК); 7) правила преюдиции (ст. 90 УПК РФ) и др. Приведенные положения действующего законодательства в данном объеме получили признание в результате постепенного и длительного совершенствования отечественного уголовно-процессуального и доказательственного права.

Вместе с тем некоторые доказательства должны оцениваться по правилам свободы оценки. Таким подходом надо руководствоваться при оценке доказательств с точки зрения их силы и

достаточности. Оценка указанных свойств доказательств остается менее всего формализованной.

Изучение мнения государственных обвинителей и судей показывает, что в их лице приверженцы теории «объективизации» уголовного процесса имеют сторонников. Процесс оценки достаточности доказательств, по их мнению, нуждается в установлении объективных критериев ценности доказательств и разработки соответствующей технологии применения правил оценки доказательств.

Для уяснения существа проблемы и выработки собственной позиции обратимся к зарубежному опыту.

Почти во всех зарубежных правовых системах присутствуют правила, а также правовые презумпции, конкретизирующие процесс оценки доказательств. В первую очередь это касается правил, устанавливающих свободу оценки судьи, точнее, некоторые пределы в реализации этого правила. Согласно португальской доктрине судья основывается на «простом инстинкте», на «простой интуиции» и на «голосе совести». При этом португальский кодекс предусматривает для судьи оценку «в соответствии с правилами опыта». Указанное правило введено в правовые системы большинства стран и имеет следующие формулировки: «глубокое убеждение», «виновность, не вызывающая серьезных сомнений» (Италия, Франция, Бельгия). В юридической литературе подобные дефиниции критикуются. Положительные отношения вызывают примеры более детальной регламентации правил оценки доказательств.

В США подобные правила связаны с принципом «надлежащего правового процесса». Следствием применения этого принципа является то, что судья может основываться на внесудебном признании, а не на допросе, проведенном во время судебного разбирательства; что он может предпочесть одно свидетельское показание десяти другим, противоположного характера и т. п. Вместе с тем судья должен мотивировать свою оценку и не может выносить решение, основанное на исключенных доказательствах. Согласно итальянской доктрине нельзя, несмотря на глубокое убеждение, «вернуть обратно» признанное ранее недопустимым, а следовательно, непригодное для использования доказательство.

В зарубежных правовых системах проявляется тенденция к некоторому ограничению свободы оценки доказательств. В частности, путем нормативного закрепления обязанности судьи мотивировать оценку принимаемого решения при решении следующих вопросов. Так, при вынесении приговора судья ограничен рамками материалов, представленных ему сторонами и изложенными в обвинительном протоколе. Во Франции и Бельгии предусмотрены три варианта: а) обычные протоколы, которые являются собранием сведений и предоставляют судье полную свободу; б) протокол, действующий вплоть до представления противоположного доказательства и утрачивающий силу только при представлении этого доказательства; в) протокол, действительный вплоть до заявления в суде иска о подложности какого-либо документа, представленного одной из сторон; причем эти документы утрачивают свою силу в случае удовлетворения судебного иска.

Основные, принципиальные положения теории доказательств заложены в текстах конституций (Конституции России, Конституции США и Билле о правах, Конституциях Италии, Португалии, Канады и др.), международных конвенций (Европейская конвенция по правам человека), рассматриваются практически во всех уголовно-процессуальных законах большинства стран. В странах общего права (Англии и Канаде) теория доказательств определяется преимущественно судебной практикой. В США судебная практика была кодифицирована в федеральные нормы о доказательствах. В 1975 г. были приняты федеральные правила предоставления доказательств, наряду с этим примерно в тридцати штатах имеются конкретные кодексы о доказательствах. Кроме этого, во всех странах действуют инструкции, стандарты, обобщающие практику и комментирующие спорные вопросы процедуры процесса доказывания, включая технологию оценки, и различные гарантии, обеспечивающие реализацию правил относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Эти источники имеют подзаконный характер и носят рекомендательный характер.

Применительно к российской системе правила, по которым оцениваются доказательства, должны быть конкретизированы в нормах закона, в решениях судебных органов, в ведомственных инструкциях и приказах, наконец, в методических рекомендациях, в порядке криминалистического сопровождения.

3.3. Оценка относимости доказательства

Представление о содержании критерия относимости при исследовании доказательств дает цитата классика теории судебных доказательств Л. Е. Владимирова: «*Quid probandum* (то, что подлежит доказыванию) устанавливает границы, далее которых следствие не должно идти. Точное установление таких пределов, совершаемое на основании материального уголовного права и некоторых процессуальных потребностей, дает отчетливость судебному расследованию. Эта отчетливость вносит известную простоту в дело, простоту, которая есть результат целесообразности. Суды... созданы для того, чтобы устанавливать или спорные предметы, или предметы, вообще нуждающиеся в доказательствах, и все, что не относится посредственно или непосредственно к этим предметам, должно быть прямо отброшено как не входящее в юрисдикцию трибунала, развлекающее его внимание и напрасно отнимающее у него время» [17, с. 181—182].

Понятие «относимость» имеет несколько смысловых оттенков.

Первый аспект. Всякое единичное, конкретное преступление проявляет себя в бесчисленной совокупности присущих ему признаков. При расследовании и разрешении уголовного дела нас должны интересовать не все, а лишь часть признаков конкретного деяния.

Всю совокупность признаков условно можно разделить на пять групп:

1) составообразующие признаки, выражающие уголовно-правовой аспект (модель) преступления. В сравнении с другими они имеют наибольшую формализацию, так как зафиксированы в уголовно-правовой норме;

2) признаки, свидетельствующие об условиях наступления уголовной ответственности (положение о пределах действия уголовного закона во времени и пространстве; о давности уголовного преследования; в отношении лиц, совершивших преступление на территории и вне пределов РФ, и др.);

3) признаки, имеющие уголовно-процессуальную направленность, — обуславливающие принятие уголовно-процессуальных решений (например, избрание меры пресечения), наделение

субъектов уголовного судопроизводства полномочиями по осуществлению процесса доказывания;

4) признаки, имеющие криминологическую направленность, — для предупреждения преступлений;

5) признаки криминалистической направленности, выражающие криминалистическую модель преступления [45, с. 33—38].

Признаки, включаемые в каждую из перечисленных групп, взаимосвязаны между собой, могут выполнять одновременно разные функции: служить решению задач уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

В ходе уголовного процесса приоритет (роль) каждой из групп признаков преступления меняется. На начальных этапах решающую роль играют признаки криминалистической направленности, на завершающих стадиях — составообразующие признаки. На начальных этапах решаются преимущественно криминалистические задачи. Так, применительно к признакам, выражающим преступное деяние и его элементы, криминалистический аспект знаний и учет типичных действий всех категорий, совершаемых преступником, имеет цели:

обеспечить возможность максимального обнаружения и сбора доказательственной информации;

использовать на стадии раскрытия, при формировании группы заподозренных лиц с целью проверки их причастности к совершению преступления (пребывание их на месте преступления, совершение там, в частности, неинтенсивно-криминальных действий), проверке алиби и т. п.;

в случаях бесперспективности отработки традиционных действий, оставляющих, как правило, разнообразную и «яркую» следовую обстановку (обеспечивающую получение максимальной доказательственной базы), использовать знания об иных действиях (в том числе с неявно выраженной криминальной направленностью), входящих в структуру преступного деяния, с целью их отработки;

использовать признаки действий, позволяющие идентифицировать совершение аналогичных преступлений и на их основе подбирать разрозненные эпизоды совершенной серии преступлений.

На завершающих этапах приоритет переходит к функции уголовно-правовой оценки. Например, способ как элемент состава, являясь одним из основных признаков общественно опас-

ного деяния, как уголовно-правовая категория выполняет следующие функции:

служит конструктивным составообразующим признаком, отграничивающим преступное поведение от непроступного, т. е. выражает функцию уголовно-правового запрета;

исполняет роль признака, служащего для отграничения одного преступления от другого, при разграничении смежных посягательств, преодолении конкуренции составов преступлений при их совокупности;

служит квалифицирующим признаком состава, когда существенно влияет на степень общественной опасности деяния;

учитывается для индивидуализации наказания в пределах санкций статей закона в том случае, если он не предусмотрен в качестве признака основного или квалифицированного состава преступления [56].

Второй аспект. При производстве по уголовному делу процесс доказывания ограничивается определенными рамками — необходимостью установить лишь некоторый минимум фактов, которые находятся в определенной связи с деянием и лицом его совершившим, т. е. установить юридически значимые факты.

«Точное установление таких пределов, совершаемое на основании материального уголовного права и некоторых процессуальных потребностей, дает отчетливость судебному расследованию» [17, с. 181—182].

Пределы доказывания ограничивают:

1) предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), устанавливающий границы, далее которых уголовное преследование не должно идти.

Являясь универсальным, применимым для любого уголовного дела, предмет доказывания достаточно абстрактен по своему содержанию. Поэтому для практического применения он дополняется рядом обстоятельств. Например, в него включаются так называемые промежуточные факты [88, с. 142]. Они не входят непосредственно в предмет доказывания, но с их помощью устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Чем квалифицированнее преступление по исполнению и менее очевидно по оставляемым следам-последствиям, тем сложнее установление самих этих промежуточных фактов, имеющих значение косвенных доказательств [78, с. 183];

2) положения материального закона, формулирующие содержание деяния, виновности лица, т. е. его психического отношения к совершенному деянию и его последствиям, формы его вины и мотива совершения преступления; квалифицирующие признаки преступного деяния, а также ряд обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности лица;

3) положения материального закона, предусматривающие вероятность совершения нескольких преступлений, и перекрывающих варианты их правовой оценки;

4) положения материального закона, исключающие преступность и наказуемость деяния и могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности (пп. 5, 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ);

5) положения криминалистики, обеспечивающие решение поисковых задач, учитывающие эвристический характер выявления и сбора доказательств.

Таким образом, алгоритм оценки доказательств с точки зрения их относимости включает комплекс юридически значимых фактов — обстоятельств, установление которых определяет границы производства по уголовному делу. Формирование расширенного и конкретизированного перечня обстоятельств является задачей криминалистики. Такой перечень рассматривается как обязательный структурный элемент частной методики расследования определенной группы преступлений. Чем он полнее и четче, тем эффективнее будет оценка доказательств.

Третий аспект. В основе относимости доказательств лежат объективные связи между людьми, предметами и явлениями действительности. Однако к началу расследования все эти связи находятся в прошлом. В момент возбуждения дела имеются признаки о совершенном преступлении, представляющие собой лишь отрывочные и неполные сведения. В этой ситуации установление относимости прямых доказательств не препятствует разрешению сомнения в их достоверности, так как их содержание совпадает с расследуемым событием и виновностью обвиняемого лица. Иная ситуация складывается, когда речь идет о косвенных доказательствах.

В момент раскрытия преступления, совершенного в условиях неочевидности, выявление фактов — последствий преступления, сбор доказательств носят черты «случайного поиска», т. е. поиска без определенной цели и внутренней программы, но при

максимально расширенном поиске и фиксации всех обнаруженных сведений. Подобный метод имеет негативную сторону, так как из множества собираемых сведений лишь небольшая часть может оказаться относящейся к делу впоследствии.

Сοшлемся на практику расследования заказных убийств в условиях крупного мегаполиса. Вследствие высокой квалификации преступников, особенностей преступлений данного вида оперативные службы не могут их раскрыть (т. е. установить личности исполнителя и заказчика), используя традиционные профессиональные приемы работы. В первую очередь это связано с недостатком количества следов, оставляемых на месте происшествия, что объясняется тщательной подготовкой деяния, в том числе выбором места, времени, продуманной системой ликвидации следов, которые могут выявить исполнителя. С целью компенсации дефицита доказательств практиками ОРД постоянно ведется разработка и апробация новых, нетрадиционных методов поиска и фиксации следов — последствий события.

Знание типичной схемы заказного убийства позволяет выдвигать версии, ведущие к его раскрытию. Так, в частности, отсутствие взаимосвязи между непосредственным исполнителем убийства и его жертвой (как правило, наемный исполнитель и жертва незнакомы и не связаны друг с другом) вероятной является версия о нахождении определенного лица (исполнителя) на месте преступления, а также о невозможности его пребывания там в других целях, кроме как для совершения преступления. Например, факт нахождения иногороднего исполнителя преступления на месте убийства в совокупности с другими косвенными доказательствами (связь с предполагаемым заказчиком, выявление заранее подготовленного алиби и т. д.) может стать важным звеном в системе собранных доказательств, исследуемых на определенном этапе расследования, в процессе оценки всех собранных доказательств в совокупности с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Для получения таких доказательств необходим комплексный подход к осмотру места происшествия, расширение его границ и самого понятия «место происшествия» в его традиционном смысле. Например, в обыденной ситуации осмотр, связанный с совершением убийства по найму в подъезде дома, должен производиться с обработкой всей площади подъезда на предмет вы-

явления следов пальцев рук с последующим отсеиванием следов, оставленных лицами, имеющими объяснимое притяжение к указанному месту (жильцы, гости, работники коммунальных служб и т. д.). Несмотря на значительное увеличение объема указанной работы, ее необходимо выполнить, поскольку это может привести к осязательному результату. Сходная ситуация складывается в отношении выявления и фиксации запаховых следов в целях последующего проведения одорологической экспертизы. Это касается любых следов и объектов, содержащих информацию о лицах, имевших с ними соприкосновение [30, с. 87—88].

Подобные проблемы возникают в отношении других видов преступлений. Разница заключается в том, что для преступлений, к примеру, экономической направленности, характерен иной перечень материальных и идеальных следов, оставляемых в результате совершения указанных деяний.

Таким образом, «случайный поиск» создает проблему установления относимости части доказательств, имеющихся в материалах дела. Результаты осмотра места происшествия в виде выявленных и зафиксированных в материалах дела следов, принадлежащих разным, в том числе не установленным, лицам, могут при их оценке приводить к конфликтным ситуациям. Тем более что подобные сведения относятся к косвенным доказательствам, оценка которых связана с трудностями при обосновании выводов и принятии процессуальных решений.

Сложность оценки косвенных доказательств с точки зрения их относимости заключена в том, что каждому такому доказательству, взятому в отдельности, может быть дано несколько взаимоисключающих толкований. Поэтому оценка их относимости может меняться в соответствии с новыми сведениями об обстоятельствах расследуемого преступного деяния. Связь косвенного доказательства с предметом доказывания может подтверждаться, опровергаться, вопрос о наличии этой связи остается открытым. То есть относимость как свойство косвенного доказательства выполняет функцию в форме предположительного, а не окончательного суждения о его связи с искомыми фактами [74, с. 11—15].

Представители защиты, используя своеобразную природу косвенных доказательств, в подобных ситуациях заявляют ходатайства, обосновывающие тезис о том, что не установленные

следствием сведения могут содержать доказательства непричастности, т. е. невиновности подозреваемого лица. Бремя доказывания обвинения и опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (презумпция невиновности). Судебная практика данный вопрос решает следующим образом:

версия обвинения не может быть признана обоснованной при наличии противоположной версии, подкрепленной не опровергнутыми доказательствами [Бюллетень Верховного суда СССР. 1960. № 2. С. 21];

версия обвинения не может быть признана обоснованной, если оценка доказательств носит односторонний характер [Бюллетень Верховного суда СССР. 1961. № 1. С. 8];

приговор не может быть признан обоснованным, если по делу собраны непровергнутые доказательства, свидетельствующие об алиби обвиняемого [Бюллетень Верховного суда СССР. 1964. № 4. С. 25].

Четвертый аспект. В суде принимаются во внимание не отдаленные, а ближайšie причины. Правило это означает, что обстоятельствами дела может считаться только то, что имеет связь с рассматриваемым уголовным случаем. Речь может идти о следующих категориях фактов.

1. Факт, что лицо прежде совершило подобное преступление. Этот факт не является обстоятельством рассмотрения настоящего дела и поэтому должен исключаться из круга исследуемых доказательств, так как прежнее преступление не находится в тесной связи ни с одним из фактов рассматриваемого дела. Иногда, как исключение из общего правила, используется такой прием при оценке субъективной стороны, формы умысла. Например, при исследовании вопроса и возможных вариантов формы умысла (незнание, самонадеянность, ошибка) в качестве доказательства могут быть допущены факты, взятые из преступления, совершенного ранее, о том, что лицо исполняло подобные действия и их смысл и направленность для него уже известны и однозначны.

2. Доказательства дурной репутации. Этот факт, делающий вероятным предписываемое подсудимому преступное деяние, не допускается. Человек другими лицами может характеризоваться крайне негативно, но быть совершенно невиновным именно в рассматриваемом преступлении, т. е. репутация лица

не может признаваться ближайшей причиной совершения рассматриваемого преступления.

Напротив, репутация свидетеля всегда является обстоятельством рассматриваемого дела в связи с исследованием вопроса о достоверности его показаний. В рамках, допускаемых законом, и с учетом права свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя (ч. 4 ст. 56 УПК РФ) достоверность показаний свидетеля должна устанавливаться в суде, в том числе, посредством исследования его репутации.

3. Факт негативного поведения обвиняемого на стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства. А. Ф. Кони утверждал по этому поводу: «Поведение подсудимого на суде не должно быть предметом оценки и обсуждения». А. Ф. Кони не использовал неправильное поведение подсудимого на суде в качестве аргумента его виновности, всячески предостерегал от этого присяжных заседателей.

4. Факты отказа обвиняемого от дачи показаний и дачи им заведомо ложных показаний не могут рассматриваться как доказательства его вины или обстоятельства, отрицательно характеризующие его личность [Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 7. С. 4].

Отрицание обвиняемым своей вины будет оправдательным доказательством, если он на допросе сообщит сведения о фактах и обстоятельствах, указывающих на его непричастность к совершению вменяемого ему преступления. При этом нельзя считать оправдательным доказательством голословное отрицание обвиняемым своей вины, так как оно не содержит относимых к делу сведений, образующих содержание любого доказательства [Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1970. № 8. С. 8—9].

5. Душевное настроение после инкриминируемого преступления и избранный подсудимым метод защиты А. Ф. Кони также не использовал в качестве довода против подсудимого. И то и другое, по мнению А. Ф. Кони, — скользкая почва, на которой возможно построение весьма ошибочных выводов и на которую он рекомендовал никогда не ступать. «Надо помнить, — предостерегал А. Ф. Кони, — что обвиняемый не всегда способен в выборе способа оправдания, и не ставить ему в вину только то, что его оправдание неудачно или им не обдумано» [41].

Все вышесказанное показывает, что оценка доказательства с точки зрения относимости должна осуществляться одновременно с исследованием других его свойств (допустимости, достоверности и достаточности). В силу того, что все свойства доказательств взаимообусловлены, результаты оценки одного из свойств влекут необходимость учета при оценке другого его свойства.

3.4. Оценка доказательств с точки зрения их допустимости

В УПК РФ значительно расширены условия, по которым собранные органами расследования или представленные сторонами доказательства могут быть признаны недопустимыми. Тем самым согласно новой идеологии доказательственного права существенно возрастает значение института признания доказательства допустимым. Вывод о признании за доказательством указанного свойства следует из Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, положений процессуального законодательства. В этих нормативных актах формулируются требования, предъявляемые к форме (источнику фактических данных) и способу собирания, проверки и оценки (формированию) доказательств, что обеспечивает гарантии достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Изменение правовой регламентации института допустимости доказательств в новом законодательстве переориентирует уголовный процесс от инквизиционного типа судопроизводства к состязательному. В этом отразилось предпочтение законодателя, стоящего перед дилеммой: установить истину любой ценой или сознательно снизить вероятность ее достижения, обеспечивая соблюдение конституционных прав граждан. Закрепленное в ст. 50 Конституции РФ и развитое в нормах УПК РФ правило о недопустимых доказательствах является существенным препятствием для установления истины «любыми средствами» [48, с. 5, 23, 36—37].

Как уже отмечалось, признаки допустимости, в сравнении с другими свойствами доказательств, наиболее формализованы в УПК. (Некоторые исследователи указывают на то, что законодатель должен стремиться к максимально полной детализации

правил, определяющих допустимость доказательств, ибо эти правила формальные и должны быть прямо указаны в законе. А в действующем законе они представлены недостаточно полно [13].)

Формулируя эти правила, законодатель выражает их как в позитивной форме, так и путем запрета, однако чаще прибегает к негативному способу регулирования правила допустимости. Допустимыми являются доказательства (факты), если они формируются путем получения из установленных источников, определенных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Законом установлен исчерпывающий перечень источников: показания свидетеля и потерпевшего; показания обвиняемого и подозреваемого; заключение эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий (судебного заседания); иные документы. Закон не только называет их, но и дает характеристику каждого вида доказательств, способов их получения и фиксации (ст.ст. 76—84 УПК РФ).

Показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также в случае, когда эти лица не могут указать источник своей осведомленности, доказательствами не являются, так как это исключает возможность проверить достоверность подобных показаний.

Особое внимание в УПК РФ уделено порядку получения показаний подозреваемого и обвиняемого. Статья 51 Конституции РФ, правила ч. 2 ст. 46 и п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ направлены на ограждение допрашиваемого от самооговора, признания вины в результате применения к нему физического или психического насилия, обеспечения свидетельского иммунитета. Отказ подсудимого от показаний, данных на предварительном следствии в отсутствие защитника, исключает возможность использования их в суде. (Правило, предусмотренное п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, направлено на то, чтобы пресекать достаточно распространенную практику получения показаний, особенно при первом допросе, подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника, что открывает возможность применения недопустимых мер для получения таких показаний, которые помогают раскрытию преступления, но противоречат конституционному праву не свидетельствовать против себя самого [48, с. 6].

Недопустимо допрашивать подозреваемого в качестве свидетеля, поскольку это связано с прямым ограничением его права на защиту, искажает уголовно-процессуальную природу исходя-

щих от него показаний, противоречит положению ст. 51 Конституции РФ. Допрос свидетеля по обстоятельствам, изобличающим его в совершении преступления, — грубое нарушение ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого. Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, признаются недопустимым доказательством, если имеются существенные противоречия между показаниями, данными в ходе предварительного следствия и в суде.

Встречаются нарушения, заключающиеся в несоблюдении положений уголовно-процессуального закона о виде уголовного преследования (ст. 20 УПК РФ), форме предварительного следствия (ст. 150 УПК РФ), подследственности (ст. 151 УПК РФ).

Требования закона к содержанию (относимости) и форме (допустимости) доказательств необходимо выполнять уже в ходе их собирания, когда самого доказательства собственно еще нет (при разъяснении, например, свидетелю, по какому делу он вызван, его обязанностей, прав, ответственности; постановке перед ним вопросов) [Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 8. С. 11].

Основанием для признания доказательства недопустимым является нарушение предусмотренных законом условий и порядка проведения следственного или судебного действий как способов собирания доказательств.

В УПК РФ подробно указаны основания, условия и порядок проведения следственных действий, закрепления хода и результатов этих следственных действий в протоколах. Перечисленные условия направлены на то, чтобы исключить сомнения в достоверности полученных сведений.

Как показывает судебно-следственная практика, эта группа нарушений наиболее обширна. Сюда входят следственные действия, проведенные с нарушением прав участников процесса (конституционных, на защиту, процессуальных и др.); например, проведение следственного действия в ночное время, когда отсутствуют данные указывающие на наличие обстоятельств, не терпящих отлагательства; производство следственного действия в отсутствие одного или нескольких лиц, участие которых обязательно (производство обыска с одним понятым, допрос свидетеля в возрасте до четырнадцати лет без участия педагога и т. п.); нарушение последовательности проведения следственного действия; нарушение порядка ознакомления участников следственного действия с протоколом и внесением в него замечания,

дополнения, исправления; отсутствие в протоколе подписей кого-либо из участников следственного действия без соответствующей записи об этом; нарушения, касающиеся правил изъятия, осмотра и хранения вещественных доказательств; порядка назначения и проведения экспертиз и пр. [Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 8. С. 4, 1995. № 6. С. 7, 1996. № 8. С. 10—11, 1998. № 2. С. 11].

В следственной практике встречаются случаи получения доказательств в ходе следственных действий от ненадлежащего субъекта, правомочного собирать доказательства. Статья 74 УПК РФ устанавливает перечень правомочных лиц, которым предоставлено право собирать доказательства. Этими лицами являются следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд. Но это право предоставляется только по делам, находящимся в их производстве. Поэтому по делу могут быть исключены протоколы следственных действий, если:

- нет постановления о принятии дела к своему производству;
- нет постановления о создании следственной бригады;
- нет распоряжения прокурора при передаче дела другому следственному органу;
- нет отдельного поручения другому следователю или органу дознания на производство следственных действий;
- согласие дано неполномочным прокурором.

Имеют место также случаи проведения ненадлежащего процессуального действия:

- протокол изъятия, оформленный вместо протокола обыска;
- протокол добровольной выдачи, оформленный вместо протокола выемки;
- протокол проверки показаний на месте либо протокол осмотра с участием обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, оформленный вместо протокола следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ);

медицинская справка об осмотре обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля, оформленная вместо протокола освидетельствования. Ставится вопрос о том, что наряду с соблюдением процессуальной формы (т. е. формальных правил, прямо указанных в законе) значимым является и этический критерий допустимости доказательства [23].

Рассмотрим данный аспект допустимости доказательства. Часть 1 статьи 9 УПК РФ запрещает осуществление действий и

принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства. Однако этот критерий в законе не конкретизирован. Излишне абстрактное, не детализированное содержание законодательного предписания не обеспечивает достаточных правовых предпосылок для его применения. Например, на практике возникают ситуации, когда в ходе проведения следственного действия унижены честь и достоинство участвующих в нем лиц. Оценивая последствия указанной ситуации, к сожалению, нельзя признать полученные при этом фактические данные, недопустимыми, так как для такого вывода не имеется достаточных правовых оснований. Таким образом, нельзя считать фактические данные недопустимыми по причине получения их с нарушением норм нравственности при отсутствии законодательного запрета, выраженного законодателем в форме соответствующего формализованного критерия.

Наделение защитника правом на собирание доказательств в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ также ставит вопрос о порядке оценки их допустимости. При этом обращается внимание на то, что положение этой нормы сосредоточило в себе наибольшее количество неясностей. Так, не определен механизм проведения опроса защитником лиц с их согласием: в законе не дается указаний ни по поводу понятия опроса, ни по поводу порядка его проведения, ни по поводу способа фиксации его результатов. Высказывается мнение о том, что данное положение может обусловить недопустимость полученного защитником доказательства. Сторона обвинения вправе заявить ходатайство об исключении результатов опроса как доказательства, представленного защитником, по причине его недопустимости в соответствии со ст. 75 УПК РФ [34, 46, 75].

Факт нарушения, будучи установленным, ставит проблему оценки его последствий. С учетом конкретных обстоятельств дела необходимо оценить, исправимо ли допущенное нарушение и помешало ли (могло ли помешать) оно исследовать вопросы, разрешаемые при постановлении приговора?

В настоящее время вопрос о правовых последствиях нарушения процессуальной формы при собирании доказательств является дискуссионным и решается неоднозначно. Часть практических работников и ученых рассматривают положения ч. 1 ст. 75 УПК РФ как требование, носящее безусловный, императивный характер, а именно признание недопустимыми доказательств,

полученных с нарушением закона, независимо от характера и степени этих нарушений. Если установлено любое, даже самое незначительное отступление от закона при собирании и фиксации доказательств, то его исключение из совокупности доказательств, со всеми вытекающими последствиями, неизбежно [94, с. 47—49].

Распространена ситуация, когда недопустимость одного или нескольких доказательств, являющихся наряду с допустимыми доказательствам основой процессуального решения, устанавливается на стадии судебного разбирательства, т. е. после того, как сами указанные решения уже приняты и реализованы. Исключение из системы одного или нескольких доказательств влечет за собой переоценку оставшихся допустимых доказательств и, как следствие, возможность принятия на их основе иных выводов по делу, в том числе вынесения оправдательного приговора. Указанная ситуация с особой остротой ставит вопрос: всякое ли процессуальное нарушение однозначно должно приводить к исключению доказательства и невозможности его использования в обосновании предъявленного обвинения?

Большинство практических работников выступают за дифференцированный подход к процессуальным нарушениям, деление их на два вида: существенные и несущественные [31].

Впервые такой подход был предложен еще в 70-е годы [88, с. 228—245]. Однако УПК РФ, как и УПК РСФСР, подобного деления не предусматривает и таких понятий не использует.

Сторонники дифференцированного подхода предлагают оценивать последствия процессуальных нарушений с точки зрения восполнимости или невосполнимости собранных доказательств. Восполнимость определяется с учетом двух компонентов допустимости: способа получения доказательств и оформления соответствующих процессуальных документов. К восполнимым нарушениям они относят те, что могут быть устранены или нейтрализованы, т. е. доказательство, полученное с нарушением закона, может быть восполнено в результате замены другим (в том числе аналогичным), полученным с использованием недопустимого доказательства, в качестве первичного гносеологического аспекта. Так, следственное действие может быть повторено, например: если не были разъяснены потерпевшему его процессуальные права, можно допросить его заново, но уже с разъяснением прав и т. п.; сведения, содержащиеся в «дефектном»

доказательстве, могут быть подтверждены другими доказательствами.

Заслуживает внимания позиция, изложенная в [88], согласно которой к существенным нарушениям отнесены:

а) нарушения, носящие преступный характер;

б) нарушения положений, которые законодатель называет в числе основополагающих для судопроизводства в целом или для соответствующих стадий процесса (в первую очередь для стадий предварительного расследования и судебного разбирательства) [88, с. 240]. Среди таких положений — конституционные нормы и положения уголовно-процессуального закона, закрепленные в гл. 2 УПК РФ (принципы уголовного судопроизводства). По нашему мнению, такой подход может быть использован и на современном этапе развития уголовного процесса.

Более конструктивным представляется дифференцированный подход к оценке установленных процессуальных нарушений и вызываемых ими правовых последствий. При этом несущественными должны признаваться те нарушения, которые не повлияли и не могли повлиять на достоверность получаемых сведений. Несущественные нарушения могут быть восполнены или исправлены принятием соответствующих мер. Если дефект процессуальной формы восполнить не удалось, доказательство признается недопустимым в силу неустранимых сомнений в его достоверности.

Кроме того, установление существенности нарушений сбора доказательств обуславливает недопустимость использования таких сведений в качестве доказательств. По нашему мнению, признание нарушения существенным должно наступать при получении доказательств из ненадлежащего источника и когда его получение сопряжено с существенным нарушением прав и законных интересов граждан.

Обращение к зарубежным источникам права и судебной практике позволяет увидеть, как решаются схожие проблемы в других странах. Общий подход, характеризующий отношение к допустимости доказательств в судопроизводстве большинства государств, можно сформулировать следующим образом. Независимо от того, является ли представленное доказательство недопустимым по своей природе или оно является недопустимым по способу представления, наступают последствия. В большинстве стран, наряду с процессуальными санкциями, существуют

также дисциплинарные и гражданские санкции. Процессуальные последствия установленных нарушений следующие: *доказательство должно исключаться только в случае серьезного или достаточно серьезного нарушения.*

Так, в Канаде большинство нарушений определяется как незначительные и малозначительные. Существенными признаются нарушения конституционного положения, Устава или нарушения, которые могут подорвать уважение к отправлению правосудия, т. е. это правило побуждает судью проверять точность соблюдения процессуального регламента, оценивать серьезность нарушения. Оно также устанавливает приоритет за исключением порочного доказательства даже применительно к расследованию серьезного преступления и явную виновность лица, основанную на осуждаемом доказательстве. Иной подход, допускающий возможность существенного нарушения конституционных прав человека, может более навредить правосудию, чем принятие решений, оправданных целесообразностью и основанных на порочных доказательствах.

Иногда последствия нарушения правил сбора доказательства распространяются на последующее доказательство, производное от первого. В этом случае отклоняются оба доказательства. Так называемая концепция «плодов отравленного дерева» принята в США, Англии, Нидерландах, Франции, используется она и в российском уголовном процессе.

Правило об исключении доказательств, введенное Верховным судом США, заключается в том, что обвинение не может использовать в суде доказательства, полученные в результате неконституционных действий. Имеются в виду доказательства, полученные прямым или косвенным способом (производные или вторичные доказательства). «Плоды», или косвенно полученные доказательства, называют также порочными доказательствами. Вначале указанное правило применялось к последствиям производства неконституционных обысков. Впоследствии оно было распространено на результаты других конституционных нарушений (незаконный арест, незаконная процедура опознания или признание, сделанное под воздействием) [109, с. 47—57].

Известный зарубежный процессуалист J. F. Ferdico отмечает, что с момента появления правило об исключении доказательств постоянно является объектом для критики и реформ. По мнению

Уоррена Бергера, экс-председателя Верховного суда США, несмотря на огромное теоретическое значение доктрины недопустимых доказательств, эффект этой доктрины существенно уменьшается из-за реалий ее практического применения. Авторы доктрины рассчитывали, что принуждение к исполнению законов органами полиции осуществляется всей правительственной машиной. Однако прокурор, проигрывающий дело из-за незаконного поведения полиции, не является полицейским чиновником. Только в очень редких случаях, когда прокурор принимает участие в обысках, арестах или задержаниях, он может контролировать и управлять действиями полиции и лишь в исключительных случаях — применить к полицейскому какую-либо исправительную акцию или меру наказания. Предполагаемый воспитательный эффект судебных решений существенно уменьшается ввиду значительного, иногда в несколько лет, промежутка времени между нарушениями полиции и их окончательной юридической оценкой.

Положительный эффект воздействия доктрины на поведение полицейских снижается, так как многие результаты их деятельности не проверяются в процессе судебного разбирательства и суд не может должным образом отреагировать на последствия нарушений, оказавшиеся вне их юрисдикции. Таким образом, непосредственные последствия оказываются направленными не на лицо его совершившее, а на обвинителя, так как в результате применения правила об исключении порочного доказательства ослабляется или разрушается позиция обвинения [109].

Критика и попытки реформирования указанной доктрины привели к тому, что Верховным судом США на ее применение были наложены ограничения. В настоящее время существует несколько ограничений доктрины «плодов отравленного дерева», разрешающих использовать порочные доказательства: 1) ограничение в отношении независимого источника; 2) ограничение при смягчении допущенного нарушения закона; 3) ограничение в ситуации неизбежного раскрытия; 4) ограничение для незаконных действий, совершенных с честными намерениями.

Нам представляется, что опыт решения спорных вопросов о допустимости доказательств некоторыми зарубежными судебными системами должен быть учтен при формировании идеологии российского доказательственного права.

3.5. О проблемах доказанности деяния в ситуации дефицита доказательственного материала

Проблема оценки доказательств в целом, а также с точки зрения их достаточности актуализируется в двух полярных ситуациях: при избыточности доказательственного ресурса и при его дефицитности. Процесс оценки еще более осложняется, когда в доказательственной массе приоритет составляют косвенные доказательства и они становятся основным, а нередко единственным средством изобличения преступника.

В ситуации избыточности доказательственного ресурса данная проблема корреспондирует с вопросом о пределах доказывания и обусловлена потребностью в экономии времени и процессуальных средств и необходимостью определить количество и вид доказательств, которые надлежит представлять суду. По некоторым делам аккумулируется такая большая доказательственная масса, которая значительно превышает пределы, необходимые для принятия законного и справедливого итогового решения. Вместе с тем неоправданная избыточность доказательственного материала, так же как и его недостаточность, представляет серьезную опасность. Под неоправданной избыточностью понимается включение в пределы доказывания фактических данных: а) не относящихся к обстоятельствам дела; б) устанавливающих обстоятельства, уже достаточно установленные; в) об обстоятельствах, познание которых по данному делу не требует процессуального доказывания; г) фиксирующих заведомо известную невозможность получения доказательств определенного вида; д) недопустимых в силу процессуальных правил доказывания.

Слишком широкие пределы доказывания не только неоправданно затягивают предварительное расследование и судебное разбирательство, но и ставят под угрозу правильность и убедительность процессуального решения (приговора). Избыточность доказательств искажает перспективу дела, отвлекает от проверки и оценки доказательств, действительно необходимых для установления существенных обстоятельств уголовного дела [88, с. 187—196].

Избыточность доказательственного ресурса свойственна преступлениям, связанным с макроэкономическими и социальными процессами. Их отличает гипертрофированный объем наступивших последствий в виде материальных и

идеальных следов, в которых запечатлен механизм преступления: наличие большого числа очевидцев, различного рода документов, а также объектов и явлений, подлежащих экспертному исследованию. Проблема избыточности доказательств в современной следственно-судебной практике сопровождается расследованием многоэпизодных, серийных преступлений, а также совершенных в результате организованной преступной деятельности. Примером подобных уголовных дел являются дела: о хищениях, совершаемых с использованием лжепредприятий (финансовые пирамиды); о крупных актах терроризма (взрыв в метро г. Москвы); о крупномасштабных техногенных катастрофах (авария Чернобыльской АЭС) и т. п. По каждому из указанных дел от нескольких десятков до нескольких тысяч граждан признавались потерпевшими и гражданскими истцами. Материалы подобных уголовных дел включают огромное количество свидетельских показаний, вещественных доказательств, экспертных заключений, различного рода документов.

По российскому законодательству никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, т. е. законом не установлены в формализованной форме, заранее определенные, универсальные для всех ситуаций и видов преступлений правила и критерии оценки силы и достаточности доказательств. Однако какая технология оценки силы конкретного доказательства, оценка достаточности всей совокупности доказательств по конкретному уголовному делу? Попробуем ответить на этот вопрос, остающийся наиболее сложным и дискуссионным в теории и практики судопроизводства.

Следует указать на четыре направления, в рамках которых идет дискуссия об определении силы и достаточности доказательств применительно к конкретному уголовному делу.

Приверженцы **первого направления** пытаются наделить одни доказательства большей ценностью, чем другие. Так, отдается предпочтение вещественным доказательствам (иначе, немым свидетелям) ввиду их меньшей подверженности изменению, фальсификации перед личными. Указанной точки зрения придерживались виднейшие криминалисты И. Н. Якимов, Н. Д. Вороновский, В. И. Громов, считавшие сведения, получаемые путем допроса, менее прочным фундаментом, на котором можно было бы построить расследование. Они относили показания, отражавшие впечатление или суждения отдельного лица, к доказательствам субъективного характера, а потому к доказательствам, имеющим меньшую устойчивость. Объективные результаты осмотра и исследования какого-либо объекта они считали более значимыми и ценными [106, с. 21, 19, с. 5, 26, с. 18]. В. И. Громов утверждал, что «сравнительная оценка отдельных видов до-

казательств с точки зрения их достоверности и заставила криминалистов еще с конца прошлого века признать первенствующее значение за теми доказательствами, которые могут быть подвергнуты научной проверке и достоверность которых основана на данных, установленных методами научно-уголовной техники, т. е. за вещественными доказательствами» [25, с. 7].

Противоположной позиции придерживался А. Я. Вышинский, считавший именно свидетельские показания важнейшим средством раскрытия преступления, а исключительным доказательством — признание обвиняемого. Л. Н. Корнеева рассматривала признание обвиняемого и его проверку как первичную основу, способствующую успешному сбору иных доказательств, устанавливающих истину. Дополнительные доказательства, собранные за счет иных источников, будут устойчивыми, так как они не зависят от изменения или отказа от показаний, полученных от обвиняемого.

Ценность показаний сведущего свидетеля выше, чем ценность показаний просто свидетеля, не являющегося носителем специальных познаний и навыков, находящихся в сфере исследуемых доказательств, с учетом их относимости [50].

Ценность заключения эксперта выше, чем ценность показаний свидетелей (в связи с этим появился ненормативный термин «научное доказательство»). А. Р. Белкин указывает на то, что по мере расширения возможностей судебной экспертизы по исследованию доказательств, увеличения объема извлекаемой из объекта доказательственной информации повышается значение этого вида доказательств [7, с. 201—202].

Последователи **второго направления** считают, что обязательное (предустановленное) доказательство (источник доказательства) обладает большей ценностью, чем иное другое. Действующий УПК предусматривает пять случаев обязательного назначения и проведения судебной экспертизы: для установления причины смерти; характера и степени вреда, причиненного здоровью; для определения психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; для установления возраста

подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (ст. 196 УПК РФ).

Установленный законом перечень на практике расширен. Так, по делам о преступлениях в сфере экономики, не может быть принято процессуальное итоговое решение без соответствующих экспертных заключений по финансовым и экономическим вопросам. По делам об убийствах нельзя принять процессуальное итоговое решение при отсутствии трупа жертвы и соответствующего судебно-медицинского заключения. Аналогичные требования по делам о незаконном обороте наркотиков — наличие экспертного заключения о природе вещества и его количестве; по делам о дорожно-транспортном происшествии — наличие автотехнической или дорожно-транспортной экспертизы и др. Отсутствие по указанным и другим категориям уголовных дел заключений соответствующих экспертиз почти всегда рассматривается как существенный пробел предварительного и судебного следствия. А. Р. Белкин предлагает законодательно устранить этот пробел путем конструирования соответствующей нормы, которая бы содержала перечень наиболее распространенных случаев обязательного проведения судебных экспертиз, в том числе их видов и родов, снабдив ее формулой, позволяющей расширять этот перечень в зависимости от обстоятельств дела и его характера [7, с. 219—220].

Для **третьего направления** характерно деление доказательств на главные и второстепенные. (В дореволюционном процессуальном праве использовались такие понятия, как «доказательства первостепенные» и «доказательства второстепенные», или «лучшие» и «второстепенные» [17]. Подобное деление имеет смысл с точки зрения важности тех обстоятельств дела, которые ими устанавливаются. Деление доказательств на главные и второстепенные, по мнению А. Р. Белкина, допустимо со следующими оговорками: а) главными или второстепенными доказательства являются не вообще как особый их вид, а только применительно к подобной их оценке для конкретного дела; б) подобное деление в конкретной системе доказательств по конкретному уголовному делу всегда условно. Одни и те же доказательства на различных этапах доказывания могут из главных превращаться во второстепенные, и наоборот.

И наконец, **четвертое направление**. В судебно-следственной практике имеет распространение ситуация, когда одни обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлены минимальным доказательственным материалом, а другие — избыточным. В связи с этим закономерен вопрос: может ли недостаток доказанности какого-либо одного обстоятельства по уголовному делу компенсироваться за счет избыточного количества доказательств, устанавливающих другое обстоятельство?

Вопрос содержит в себе две взаимосвязанные задачи. Первая — обеспечение необходимой и достаточной полноты познания существенных явлений и их связей (качественная сторона). Она направлена на собирание такой совокупности доказательств, которая бы обеспечивала установление каждого элемента предмета доказывания и каждого признака состава преступления. Данное соображение приводит к отрицательному ответу на поставленный выше вопрос. Вторая — обеспечение надежности результатов познания, т. е. их достоверности (количественная сторона). При этом определенная избыточность доказательств неизбежна, так как она необходима для восполнения пробелов и устранения противоречий, имеющихся в доказательственном материале. В ходе производства уголовного дела может меняться роль некоторых фактов с точки зрения их связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию. В зависимости от этого будет изменяться и ценность соответствующего доказательства. Наличие же определенного количества «резервных» доказательств будет оправданно в этом случае. Значение доказательства может изменяться в зависимости от объема информации, которую оно содержит, и роли этой информации в доказывании. А. Р. Белкин подчеркивает, что недостаточность полученной информации сначала приводит к известной переоценке роли доказательства, и только с расширением объема информации удастся определить истинное значение доказательства. «Однако информация, полученная из одного доказательства, существует не сама по себе, а в комплексе с информацией, почерпнутой из других доказательств, поэтому значение доказательства может измениться и при неизменном объеме содержащейся в нем доказательственной информации. В этом случае меняется значение самой информации, а не ее объем» [7, с. 200—202].

Таким образом, попытки предпочтения одного из видов или источников доказательств другим путем нормативного установ-

ления детальных универсальных правил и критериев, единых для всех категорий дел и любых случаев, заканчиваются безуспешно. Сила и ценность доказательства может устанавливаться лишь в конкретной системе доказательств по конкретному уголовному делу.

Логика проводимого нами исследования подводит к следующей группе вопросов, которые требуют рассмотрения и решения: полностью ли свободен процесс оценки от каких-либо внешних ограничений и правил и обусловлен ли он лишь внутренним убеждением субъекта доказывания? требуется ли более полная и детальная регламентация процесса оценки доказательств, чем та, что имеется в действующем законодательстве? оценка каких именно свойств доказательств должна и может быть подвергнута более детальной регламентации?

Анализ зарубежных систем позволяет обнаружить дополнительные нормативные критерии пределов доказывания, в том числе установления достаточности доказательств, которые отсутствуют в российском праве. Так, некоторые зарубежные системы устанавливают «правило подтверждения» и «правило минимума доказательств». В соответствии с первым судья может выносить приговор, когда получены, по крайней мере, два доказательства. В Италии же, где достаточно одного свидетельского показания, установлено, что это показание должно обладать такими признаками, как серьезность, точность и согласуемость при сопоставлении с иной информацией. Правило подтверждения широко применяется в Шотландии. В Англии судья обязан в отдельных случаях предупредить суд присяжных об опасности выносить приговор на основе заявления одного единственного свидетеля, например в случае нападения на сексуальной почве. В Германии установлено, что одного доказательства, основанного на слухах, недостаточно для обоснованного вынесения приговора и что поэтому требуются другие доказательства. В Японии недостаточно иметь только одно признание. В Нидерландах судья может использовать показания полицейского, если оно подтверждается другими доказательствами (свидетельскими показаниями или протоколом); также не могут использоваться без сопровождения другими средствами доказывания — полицейские протоколы, заключения экспертов и иные документы (заметки, газеты и т. п.). В португальском праве устанавливается, что заключение эксперта, основанное на его специальных познаниях,

не подлежит свободной оценке судьи, если только судья не обоснует свое возражение, исходя из соответствующих специальных познаний, или не оспорит фактическую основу, которая была использована экспертом в итоговых выводах его заключения. [72, с. 13—33].

«Правило минимума доказательств» определяет минимальное количество доказательств, которое необходимо для вынесения обвинительного приговора. Нормативное установление «правила минимума доказательств» влечет следующие последствия: 1) побуждает суд постановлять обвинительный приговор в условиях крайнего дефицита доказательств, в то время как отсутствие указанного правила позволяет суду уйти от принятия решения в таких условиях, сославшись на недоказанность (положительные последствия); 2) возникает несоответствие между средствами доказывания и предметом доказывания. По мнению оппонентов, в этом случае может создаться ситуация, когда закон побуждает судью к вынесению обвинительного приговора на основании двух свидетельских показаний в отношении инкриминируемого деяния. При наличии такого количества показаний суд вправе прекратить дальнейшее исследование доказательств, так как конечный результат уже predetermined. Причем среди неисследованных могут оказаться доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого. По нашему мнению, указанные опасения не состоятельны, так как состязательный характер судопроизводства позволяет сторонам ходатайствовать об исследовании доказательств и не ограничивает их в этом плане.

Существуют правила, устанавливающие конкретные методы исследования доказательств либо предписывающие обязательное присутствие в доказательственном материале перечня конкретных видов доказательств:

- а) обязательные, для определенных ситуаций;
- б) для некоторых видов преступлений;
- в) при использовании определенных орудий преступления и иных оснований (обязательное использование при этом специальных познаний в доказывании, например наличие судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы; экспертиз по составу и количеству наркотического, фоноскопической экспертизы, заключения бухгалтера, автотехника, взрывотехника, баллиста и т. п.). Напомним, что в Своде законов Российской

империи (1857 г.) такой вид доказательств предусматривался и назывался «предустановленными доказательствами».

Оценка достаточности доказательств чрезвычайно ответственна по делам об особо тяжких преступлениях. Судебное рассмотрение подобных дел (акты терроризма, серийные убийства и некоторые другие) требует особых гарантий доказанности совершенного деяния и установления виновности его субъекта. Необходимо учитывать и то, что, как правило, расследование подобных дел сопровождается дефицитом доказательственного материала и приоритетностью косвенных доказательств. Это побуждает также вести поиск максимально безошибочной системы судебного следствия с тщательно разработанными правилами оценки доказательств. Так, в штате Массачусетс разработана процедура ведения подобных процессов. В плане доказывания данная процедура предусматривает обязательное наличие в уголовном деле судебных экспертиз, в частности анализов ДНК, устанавливает правило о том, что показания свидетелей и очевидцев имеют меньший вес, чем экспертные заключения, предусматривает также постановку перед присяжными вопроса, отражающего степень доказанности, в виде формулировки «не осталось вообще никаких сомнений», вместо «нет существенных сомнений» в доказанности виновности подсудимого и др.

Увеличение количества расследуемых преступлений (за последние 40 лет — в 3—4 раза) и сроков производства по уголовным делам выявило новую грань проблемы оценки доказательств. В юридической литературе отмечается, что данная ситуация характерна для всех стран. В судопроизводстве эта проблема решается двумя способами: путем модернизации процедуры уголовного процесса и развития альтернатив уголовному преследованию. Первое направление предусматривает установление упрощенной процедуры расследования, ликвидацию института возвращения на дополнительное расследование, возможность компромисса с правосудием и т. д. В США, например, около 90 % дел рассматривается на основе компромисса [6, с. 3—4].

УПК РФ предусматривает особый порядок принятия судебного решения, в частности, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Тем самым российское судопроизводство интегрировало элементы западной модели — «делки с обвиняемым», или компромисса с правосудием. Согласно поло-

жениям, закрепленным в гл. 40 УПК РФ, обвиняемый может при согласии с предъявленным обвинением ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства.

Таким образом, проблема оценки доказательств нашла решение путем применения института компромисса с правосудием, когда без судебного разбирательства выносится судебное решение. Особый порядок судебного разбирательства и принятия судебного решения отражается и на процессе доказывания: сокращается тяжесть бремени доказывания, сужаются его пределы, упрощаются правила оценки доказательств. Вместе с тем возрастает значение гарантий от самооговора — с точки зрения допустимости и достоверности собранных доказательств. Так, закон предусматривает, чтобы «ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником» (п. 2 ч. 3 ст. 314 УПК РФ). По нашему мнению, процесс доказывания, применительно к особому порядку судебного разбирательства ставит новую проблему в теории доказательств, нуждающуюся в анализе практики применения и дальнейшем исследовании.

Попытка максимального расширения и детализации технологии проверки и оценки доказательств показала, что ряд существенных параметров доказательств может оцениваться в качественном отношении и в количественном, а потому должен быть регламентирован путем установления соответствующих правил, оснований, критериев, ограничений. В то же время отдельные характеристики доказательств не поддаются формальному подходу в их оценке, а сама попытка определения для них соответствующих правил оценки наталкивается на существенные препятствия. Подобные случаи также требуют более детальной регламентации.

Поясним второе суждение. По каждому уголовному делу возможно множество вариантов индивидуальных совокупностей доказательств, различных по источникам, ценности, обстоятельствам, устанавливаемым с их помощью, и т. п. Эта особенность практически исключает выявление типичных устойчивых признаков, характеризующих как само доказательство, так и критерии соответствующего правила их оценки, основанные на обработке количественных показателей. В юридической литературе указывалось на невозможность в обозримом будущем достичь этого ввиду почти беспредельного объема статистических ис-

следований, которые необходимо провести, и «проблематичности практической эффективности результатов» [104, с. 182].

Представляет интерес совместная работа службы государственных обвинителей и полиции США по созданию «стандартов обвинения» при расследовании преступлений различного вида. Эти стандарты включают в себя также программы по оценке допустимости и достаточности доказательств, устанавливают соответствующие критерии (факторы) оценки доказательств. В ходе дискуссии, которая сопровождала разработку этих стандартов, высказывались возражения против их чрезмерной конкретизации. Так, отмечалось что проблема заключается не в том, чтобы установить, какие доказательства «за» и «против», и посмотреть, какая чаша весов окажется тяжелее по числу, лежащих в ней доказательств, вполне возможно, что единственное доказательство может перевесить целое их множество, тянущее в противоположную сторону [58].

Все исследователи, занимающиеся данной проблемой, признают наличие препятствий в установлении достаточности совокупности доказательств путем установления количественных показателей того, что деяние доказано и что оно совершено обвиняемым. Высказываются сомнения по поводу того, что отдельные части доказательственного материала могут стать объектом, которому следует придать выраженную в цифрах ценность или вес, а также что отдельные части доказательственного материала должны обладать преимуществом доказательственной силы и ценности лишь с учетом их преимущества в количественном выражении, т. е. указывается на отличие качественной и количественной характеристик оценки отдельных свойств доказательств.

Попытка построить модель оценки доказательств как процесса постепенного убывания энтропии (неопределенности) и возрастания объема информации показала невозможность определения количественных показателей этого процесса. Таким образом, существо препятствий заключается в невозможности перейти к полной формализованной количественной оценке, позволяющей использовать математические методы, в том числе применение на их основе информационных технологий описания и изучения процессов, моделирующих оценку доказательств. Научкой признано, что без количественных показателей может быть построена лишь весьма приблизительная, искаженная модель

процессов и явлений, не способная отразить взаимосвязи их элементов. Разумеется, плодотворнее построение количественной модели, так как моделирование имеет преимущества перед другими методами исследования. Только количественное моделирование дает возможность восстановить в динамике мыслительную сторону доказывания, условия, в которых происходило формирование доказательств, имитировать изменения стабильности, а также роли и ценности конкретного доказательства, представить в виде модели оценку доказательств как процесса постепенного убывания неопределенности, возрастания объема информации и достижения на ее основе несомненной достаточности и достоверности доказательственной базы и т. п.

Подводя итог рассмотрения вопроса о необходимости дальнейшей формализации процесса оценки доказательств, следует признать, что оценка достоверности и достаточности доказательств носит преимущественно содержательный характер, не имеет пока необходимого инструментария для построения полноценной и адекватной модели. Указанные выше препятствия не позволяют в формализованном, достаточно конкретизированном виде и в то же время в полной мере регламентировать эту деятельность путем включения соответствующего правила в конструкцию правовой нормы. Данный вывод обуславливает применение в уголовном процессе двух систем, определяющих различные направления мыслительной доказательственной деятельности, — свободы оценки доказательств исходя из внутреннего убеждения и оценки доказательств исходя из установленных правил. Именно такой подход предусматривает действующий УПК РФ.

Вместе с тем с появлением новых видов экспертиз, методов сбора, фиксации и исследования доказательств наряду с особым порядком судебного разбирательства должна предусматриваться особая процедура использования, проверки и оценки доказательств, т. е. должен вестись поиск решения указанной проблемы.

По нашему мнению, «правило минимума» в сочетании с «правилом подтверждения» и «правилом предустановленных доказательств» позволяет приблизиться к решению вопроса о достаточности доказательств при их остром дефиците, наметить вектор поиска, направленного на создание максимально оптимальной системы доказывания, адекватной характеру современной преступности и используемым средствам доказывания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аарон Барак. Судейское усмотрение. М., 1999.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 1981.
3. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001.
4. Арсеньев Р. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
5. Барщевский М. Адвокатская этика. Самара, 1999.
6. Бахин В. П., Карпов Н. С. Альтернативы уголовному преследованию: политика или технология? // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. ст.: В 3 ч. Ч. III: Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2004.
7. Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997.
9. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения. Методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
10. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969.
11. Бентам И. О. О судебных доказательствах. Киев, 1876.
12. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990—1996 гг. М., 1997.
13. Боруленков Ю. Допустимость доказательств // Законность. 2003. № 9.
14. Вандер М. Б. Схемы криминалистических алгоритмов. СПб., 2002.
15. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997.
16. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Городец, 1997.
17. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
18. Власов А. А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 2000.
19. Вороновский Н. Д. Уголовная техника. М., 1931.
20. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

21. Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы теории и практики применения УПК РФ в досудебном производстве // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. ст.: В 3 ч. Ч. I: Вопросы уголовного судопроизводства. М., 2004.

22. Гармаев Ю. П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск, 2004.

23. Гришина Е. П. Актуальные вопросы допустимости доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. 2002. № 6.

24. Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925.

25. Громов В. И. Вещественные улики и научно-уголовная техника. М., 1932.

26. Громов В. И. Материальная истина и научно-уголовная техника. М., 1930.

27. Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов-н/Д, 1991.

28. Дулов А. В. Система целей криминалистики и проблема управления процессами их реализации // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. ст.: В 3 ч. Ч. III: Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2004.

29. Егоров К. Оценка доказательств как завершающий этап доказывания // Российская юстиция. 2000. № 12.

30. Езупов М. А. Проблемы раскрытия убийств по найму в условиях дефицита доказательственной базы // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 3-я научно-практическая конференция молодых ученых. СПб., 2000.

31. Зажицкий Д. О. О допустимости доказательства // Российская юстиция. 1999. № 3.

32. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988.

33. Карнеева Л. М. Доказывание в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Советское государство и право. 1981. № 10.

34. Карякин Е. Допустимость доказательств, собранных защитником, и осуществление функции защиты в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6.
35. Кириллова Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. СПб., 1966.
36. Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2000.
37. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
38. Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11.
39. Комментарий к постановлениям пленумов Верховного суда РФ (РСФСР) по уголовным делам. М., 2001.
40. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. М., 2002.
41. Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1956.
42. Корневский Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000.
43. Корноухов В. Я. Проблемы познания в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2000.
44. Крыленко Н. Н. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. М., 1928.
45. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
46. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8.
47. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
48. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7.
49. Материалы Директората по правам человека и Директората по юридическим делам Европейской комиссии Совета Европы: Комментарий к законопроекту УПК РФ. М., 2002.
50. Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.

51. Михайловская И. Б. Права личности — новый приоритет УПК РФ // Российская юстиция. 2002. № 7.
52. Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л., 1970.
53. Некрасов А. Допустимость доказательств: вопросы и решения // Российская юстиция. 1998. № 1.
54. Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам. СПб., 2004.
55. Новик В. В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты. СПб., 2002.
56. Новик В. В. Сравнительный анализ криминалистических и составообразующих признаков преступления // Тр. СПб юрид. ин-та ГП РФ. № 3. 2001.
57. Новик В. В. Уголовное преследование в ситуации дефицита доказательств // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. ст.: В 3 ч. Ч. I: Вопросы уголовного судопроизводства. М., 2004.
58. Новый кодекс для государственных обвинителей: Уголовное преследование, ответственность и государственный интерес. Ashworth A. J. Fionda. Ответ — R. K. Daw // Criminal Law Review. 1994. № 12.
59. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов / Под ред. А. М. Рункова: В 8 т. Т. 1. М., 1987.
60. О применении судами норм УПК РФ: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2004. № 5.
61. Организация и методика прокурорского надзора за соблюдением законности при приеме, регистрации, проверке и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях / Под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб., 2004.
62. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.
63. Осипкин В. Н., Рохлин В. И. Доказательства. СПб., 1998.
64. Основные принципы современного уголовного права / Сост. М. С. Грунхейзен. Лейден, 1997.
65. Особенности расследования злоупотреблений в деятельности правоохранительных органов: Материалы российско-американского семинара, 1—3 октября 1998. СПб., 1999.

66. Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10.
67. Питерцев С. К. Составление обвинительного заключения. СПб., 1996.
68. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей: Научно-практическое пособие / Под ред. С. И. Герасимова. М., 2002.
69. Полянский Н. Н. Вопросы доказательственного права в практике УКК Верховного Суда РСФСР за 1926 г. // Право и жизнь. 1927. Кн. первая.
70. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 18 июня 2003 г. № 169 в отношении подсудимой Ашировой Е. С. // Бюллетень Верховного суда. 2004. № 3.
71. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Научно-практический семинар, 29 сентября 2000 г. // Бюллетень № 1 / Отв. ред. В. В. Новик. СПб., 2001.
72. Прадель Ж. Доказательство в уголовном процессе (сравнительное исследование). J. Pradel: *Revue internationale de droit penal*. Т. 63 (1992 г.), № 1—2.
73. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
74. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1997.
75. Руднев В., Беньягуев Г. Возможно ли участие нотариуса в уголовном судопроизводстве? // Российская юстиция. 2002. № 8.
76. Руководство для государственных обвинителей. Криминалистический аспект деятельности. Ч. 1 / Под ред. О. Н. Коршуновой. СПб., 1998.
77. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
78. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978.
79. Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002.
80. Соловьев А. В., Шейфер С. А. Характер, причины и способы устранения ошибки в стадии предварительного следствия. М., 1988.

81. Спасович В. А. О теории судебных доказательств. Спб., 1861.
82. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.
83. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
84. Строгович М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.
85. Строгович М. С. Теория судебных доказательств. М., 1991.
86. Сухарев А. Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.
87. Телятников В. И. Убеждение судьи. СПб., 2004.
88. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973.
89. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / Отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1966.
90. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.
91. Уголовный процесс / Под ред. В. П. Божьева. М., 2000.
92. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.
93. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.
94. Хмыров А. А. Актуальные проблемы использования косвенных доказательств в расследовании преступлений // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 23—24 мая 2002 г. Краснодар, 2002.
95. Хмыров А. А. Косвенные доказательства. М., 1979.
96. Чувилев Н., Лобанов А. Плоды отравленного дерева // Российская юстиция. 1996. № 11.
97. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1999.
98. Шаламов М. П. Теория улик. М., 1960.
99. Шейфер С. А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 9.

100. Шейфер С. А. Спорные вопросы концепции допустимости доказательств // Государство и право на рубеже веков: Материалы всероссийской конференции. М., 2001.
101. Шестакова С. Д. К вопросу о правовом регулировании уголовно-процессуального доказывания как способа осуществления уголовного преследования // Криминалистический вестник. Вып. 3. СПб., 2003.
102. Эйсман А. А. Логика доказывания. М., 1971.
103. Эйсман А. А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. 1966. № 6.
104. Эйсман А. А. Структурный анализ и моделирование судебных доказательств // Правовая кибернетика. М., 1970.
105. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 1, 2 / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1975.
106. Якимов И. Н. Криминалистика. М., 1925.
107. Якубович Н. А. Некоторые вопросы уголовного процесса в свете судебной реформы // Актуальные проблемы правовой науки и практики: Сб. науч. тр. Кемерово; СПб., 1999.
108. Andrejew. I. Rozpoznanie znamion przestepstwa. Warszawa, 1968. P. 80.
109. Ferdico J. F. Criminal justice for the criminal justice professional. West Publishing. St. Paul.
110. Harris D. J., Boyl M. O., Warbrick C. Law of the European Convention on Human Rights. L., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Лекция 1. СОДЕРЖАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	4
1.1. Понятие доказывания. Этапы, элементы и субъекты доказывания	—
1.2. Обусловленность особенностей процесса доказывания стадийностью уголовного судопроизводства	11
Лекция 2. НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОКАЗЫВАНИЯ	15
2.1. Судебные ошибки как итог существенных нарушений доказательственной деятельности	—
2.2. Условия, определяющие принятие процессуальных решений по уголовному делу.....	21
Лекция 3. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	34
3.1. Понятие и содержание оценки доказательств	—
3.2. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств и обоснования выводов о доказанности	37
3.3. Оценка относимости доказательства	47
3.4. Оценка доказательств с точки зрения их допустимости	55
3.5. О проблемах доказанности деяния в ситуации дефицита доказательственного материала	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	75

*Валерий Валентинович НОВИК,
канд. юрид. наук, доцент*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Конспект лекций

Редактор *О. Е. Тимощук*
Компьютерная правка и верстка
Т. И. Павловой, Ю. С. Егоровой

Подписано к печати 24.02.2005 г. Бум. тип. ¹ 1.
Гарнитура “Times New Roman Cyr”. Ризография. Печ. л. 5,25.
Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1—150). Заказ 1733.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44
Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ